

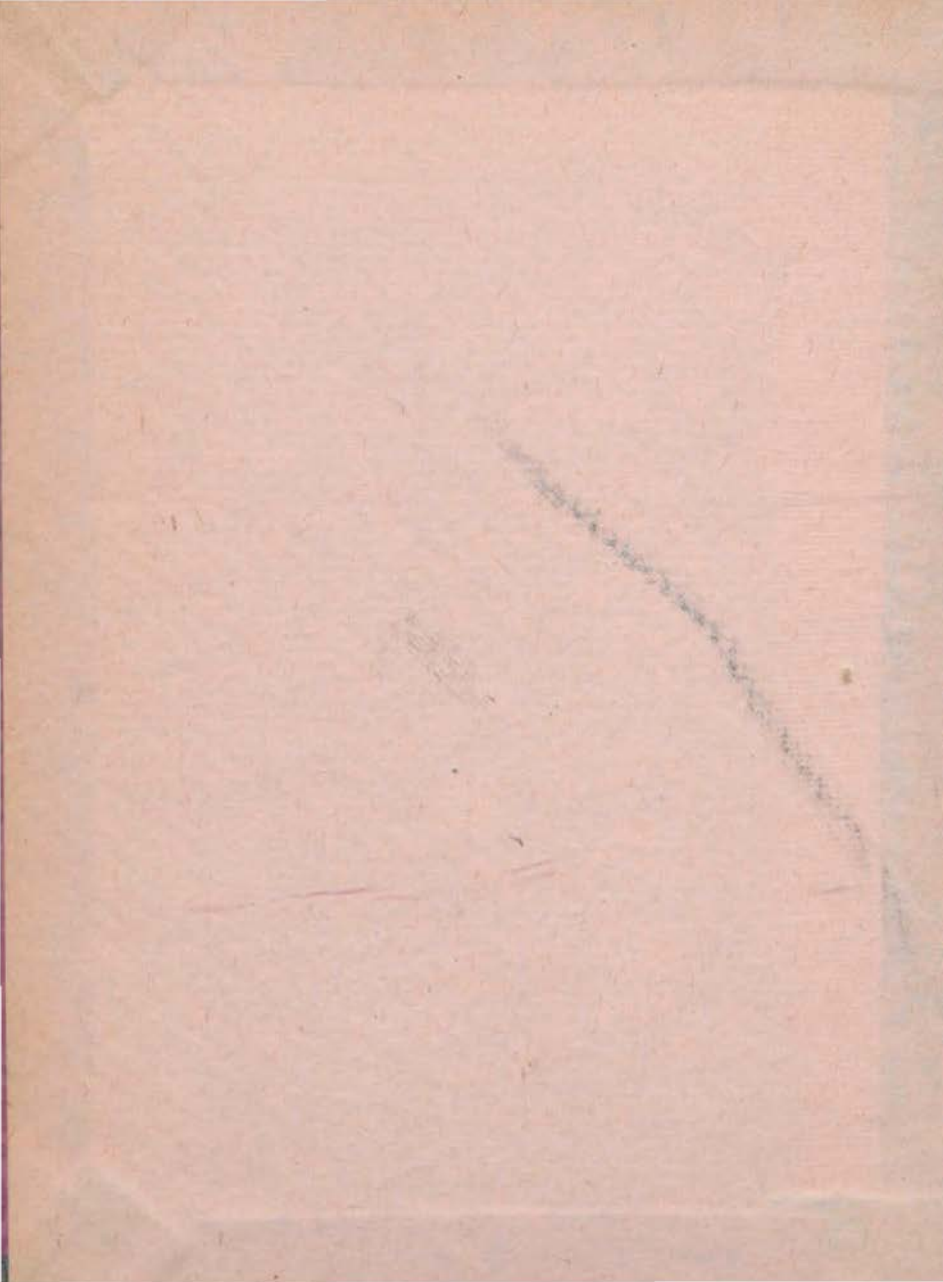
из воспомин.

гимназиста

60^х годов

1-2

A $\frac{268}{279}$

А 268
279
801-83
12677-X

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ГИМНАЗИСТА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

І и ІІ части.

Складъ изданія у Θεодора Федотовича
Тимошкина Николаевскій мостъ № 45.

Т И Ф Л И С Ъ .

Типографія М. Вартаннича, Гановская улица, № 3.

1904

100-100

А $\frac{268}{279}$

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ГИМНАЗИСТА 60-ХЪ ГОДОВЪ

1 и 2 части.

Складъ изданія у Θεодора Федотовича Тимошкина, Николаевскій мостъ № 45.

Т И Ф Л С Ъ.

Типографія М. Вартанянца, Гановская ул. № 3.

1904

Дозволено Цензурою, Тифлисъ, 20 февраля 1904 г.

2011136629

Изъ воспоминаній гимназиста 60-хъ годовъ.

Часть 1-я.

Гимназія! какъ много въ этомъ словѣ слилось для неудачника 60-хъ годовъ! мой дѣтскій умъ немогъ примириться съ мыслью что-бы было что нибудь совершеннѣе дорогой *Alma Mater*, чтобы эта Святая Святыхъ могла когда-либо подвергнуться какимъ либо измѣненіямъ. Но увы! грозныя тучи уже собирались и чрезъ три года, со дня оставленія мною гимназіи, къ величайшему моему ужасу я убѣдился, что даже слово «Гимназія» было выброшено изъ всероссійскаго лексикона, какъ отдѣльное самостоятельное учрежденіе и уступило мѣсто «Классической Гимназіи». Цѣлые полки псеудо—классиковъ со всѣхъ концовъ вселенной наводнили Русь святую и началась та «гимнастика ума» которая привѣла къ реакціи 70-хъ годовъ.

25-го Марта 1901 г. съ высоты Престола произнесено было великое слово возвѣстив-

шее русскому обществу о «коренномъ переустройствѣ» на началахъ приспособленія къ потребностямъ времени русскаго школьнаго образованія. До этого момента, недостатки въ его системѣ всеми здравомыслящими людьми создавались, но открыто высказывались лишь пожеланія о частичныхъ преобразованіяхъ въ строѣ нашихъ учебныхъ заведеній. ВЫСОЧАЙШІЙ же рескриптъ на имя новаго Минис. Нар. Просв. Ген.-Адъют. Ванновскаго открылъ широкій просторъ для всесторонняго выясненія вопроса. П. С. Ванновскій явился истолкователемъ и исполнителемъ Царской воли. 16-го Февраля 1904 г. телеграфъ принёсъ печальную вѣсть о кончинѣ Маститаго Старца. Миръ праху этого воина—учителя.

Въ первые годы царствованія Императора Александра II, Гимназія была среднимъ учебнымъ заведеніемъ съ законченною программю. Окончившій 7 классный курсъ пріобрѣталъ права: на поступленіе въ университетъ безъ экзамена и на чинъ XIV класса, котораго удостоивался вслѣдъ за поступленіемъ на Государственную службу. Штатъ Гимназіи состоялъ изъ Директора, Инспектора, учителей старшихъ и младшихъ а также надзирателей. Канцелярія Гимназіи управлялась особымъ сек-

ретаремъ, который былъ также протоколистомъ педагогическаго Совѣта. Директоръ и Инспекторъ пользовались казеннымъ помѣщеніемъ, оклады содержанія въ годъ: директора 800 р. инспектора 700 руб. учителей старшихъ 600 руб. младшихъ 400 руб. и надзирателя 200 р. Плата за ученіе взималась 5 руб. въ годъ. При каждой Гимназіи былъ книжный магазинъ для продажи учебниковъ изданія М. Н. П. Въ Гимназіи преподавались слѣдующіе предметы:

1. **Законъ Божій** при 2-хъ преподавателяхъ православнаго и римско-католическаго исповѣданій. Въ Гимназіяхъ хотя были лютеране, магометане и евреи, но законоучителей для этихъ исповѣданій неполагалось.
2. **Русскій языкъ** при 2-хъ преподавателяхъ изъ коихъ одинъ преподавалъ въ 4-хъ младшихъ а другой въ 3-хъ старшихъ классахъ, оба преподавателя обязательно должны быть русскаго происхожденія.
3. **Исторія** всеобщая и русская, преподаватель обязательно русскаго происхожденія.
4. **Математика** при 2-хъ преподавателяхъ

одинъ для 4-хъ младшихъ, а другой для 3-хъ старшихъ классовъ.

5. Естественная исторія зоологія въ 1, 2 и 3 классахъ, ботаника въ 4 и 5, минералогія въ 6-мъ классѣ.

6. Географія.

7. Польскій языкъ (только въ западномъ краѣ).

8. Французскій языкъ.

9. Нѣмецкій языкъ.

10. Латынь въ 4, 5, 6 и 7 классахъ.

11. Законовѣдѣніе въ 5, 6 и 7 классахъ для тѣхъ кто неизучалъ латыни.

12. Чистописаніе и черченіе. Инспекторъ и директоръ неимѣли права преподавать. Ежедневно полагалось 4 урока, ученіе начиналось въ 9 часовъ утра. Послѣ 2-го урока дѣлался перерывъ, а въ 2 часа дня кончались занятія. Учителя гимнастики приглашались за особую плату, и занятія производились въ послѣ обѣденное время—приспособленія для гимнастики принадлежали гимназіи.

Преподаваніе всѣхъ перечисленныхъ выше предметовъ оканчивалось въ 6-мъ классѣ, а 7-й предназначался для повторенія всего пройденнаго курса. При чемъ учитель обязанъ былъ

обобщить весь курсъ и указать, какое практическое значеніе и примѣненіе въ жизни имѣетъ тотъ или иной предметъ.

Перечисливъ преподаваемые въ Гимназіи предметы, необходимо сдѣлать нѣкоторыя поясненія о тѣхъ предметахъ, которые входили въ программу преподаванія: такъ по Закону Божию, кромѣ катехизиса, преподавалась и церковная исторія. На долю преподавателей русскаго языка выпала нелегкая задача, кромѣ грамматики русскаго языка и исторіи литературы русской и иностранной, основательно познакомить учениковъ съ логикою, риторикою, пѣтикою, психологіею, стихосложеніемъ и славянскимъ языкомъ. Отъ учениковъ требовались письменныя сочиненія на заданную тему, критика и разборъ лучшихъ произведеній отечественной литературы.

Учитель исторіи, требовалъ письменнаго изложенія и объясненія мировыхъ событій и, исправляя ученическія тетради, неоставлялъ незамѣченными грамматическихъ ошибокъ и своими впечатлѣніями дѣлился съ учителями русскаго языка.

Учитель географіи требовалъ вычерчиванія картъ не только отдѣльныхъ государствъ, но и губерній и своими впечатлѣніями дѣлился

съ учителемъ рисованія. Учитель естественныхъ наукъ также требовалъ составленія гербаріевъ, коллекцій и альбомовъ при чемъ своими впечатлѣніями дѣлился съ учителемъ рисованія.

Учитель рисованія не позволялъ ученикамъ, непрошедшимъ курса психологій, рисовать ротъ, носъ, ухо и особенно глазъ человѣка. Нерѣдко на урокахъ рисованія присутствовалъ учитель русскаго языка и помогалъ учителю рисованія объяснить значеніе глаза.

Физика преподавалась не иначе какъ въ физическомъ кабинетѣ, съ практическимъ объясненіемъ на машинахъ.

Учитель зоологій и ботаники въ лѣтніе мѣсяцы дѣлалъ не менѣе 3 экскурсій въ недѣлю, при чемъ на дѣлѣ объяснялъ ученикамъ строеніе листьевъ, древесной коры, показывалъ личинки, яички и пр.

Совершенно обособленное положеніе въ Гимназій и въ обществѣ занимали учителя латини. Они по тогдашнему выраженію были люди не отъ міра сего. Чуждачества ихъ совершенно отвѣчали характеристикѣ сдѣланной Гоголевскимъ городничимъ, но это были все же добрые отзывчивые люди, они выбивались изъ силъ. чтобы заинтересовать учениковъ своимъ

предметомъ и, правду сказать, достигали своей цѣли. Латинскія цитаты были въ большомъ ходу, а проклятая «конструкція» обходилась учениками всячески. Учитель, не желая быть секретнопроментированнымъ на экзаменахъ, по секрету сообщалъ, какую именно фразу прикажетъ переводить, и лѣвая ладонь, или носовой платокъ были якоремъ спасенія, переводы проходили гладко,—всеъ поздравляли учителя съ блистательнымъ успѣхомъ и торжествующій учитель расточалъ свои похвалы ученикамъ, награждая ихъ пятерками съ плюсами и минусами.

Вотъ предъ вами читатель та учительская семья, которая была сильна корпоративнымъ духомъ и сознаніемъ великой задачи воспитанія юношей.

Въ то доброе старое время, когда мнѣ суждено было переступить завѣтный храмъ науки, патріархальный строй общества сложился такъ, что новорожденному по внѣшнимъ примѣтамъ, а отчасти по завѣтамъ предковъ безапелляціонно намѣчался тотъ жизненный путь, по которому онъ долженъ идти, чтобы съ честью поддержать родовыя традиціи. Если семья была многочисленная, первенецъ обязательно долженъ быть медикомъ, или юристомъ, а остальные сыновья, смотря по ихъ

способностямъ, предназначались быть духовными чиновниками и т. д. Какъ незабавно вспомнить теперь объ этомъ, но на дѣлѣ выходило такъ, что эти рѣшенія семейнаго совѣта исполнялись всегда въ точности. И такъ бабушка мнѣ ворожила быть докторомъ, дѣдушка—адвокатомъ, мать военнымъ, а отецъ говорилъ лишь одно: разумѣется, я его пошлю въ университетъ, а тамъ пусть самъ изберетъ себѣ карьеру, и вотъ при такихъ то предсказаніяхъ я росъ, резвился, учился и наконецъ сдалъ экзамень въ 2-й классъ Гимназіи.—Торжественная обстановка храма науки, новые товарищи, произвели на меня ошеломляющее впечатлѣніе. Дома я неимѣлъ никакого понятія о газетахъ, хотя таковыя получались отцомъ, а тутъ еврей факторъ на улицѣ приглашаетъ «Паницу, купи сардинку, динъ, динъ, динъ». Товарищъ поясняетъ, что въ таинственной коробкѣ не сардины, а свѣжій № «Колокола». въ которомъ много, много интереснаго. Еврей просилъ было 20 коп., но при содѣйствіи товарища уступилъ. При содѣйствіи гимназистовъ 6-го класса коробка была вскрыта и началось чтеніе, я внимательно слушалъ, но ровно ничего непонималъ, тѣмъ не менѣе унесъ № «Колокола» домой и за обѣдомъ отдалъ его отцу. Ну и до-

сталось мнѣ: во—1-хъ мнѣ разъяснили, что я неимѣлъ права произвольно истратить данныя мнѣ деньги на завтракъ на покупку газеты и во—2-хъ, что газета эта запрещена и слава Богу, что незамѣтили этого, а то досталось-бы и мнѣ, и начальству и родителямъ.

Къ вечернему чаю собрались сосѣди и пріятели, чтобы поздравить насъ всѣхъ съ благополучнымъ исходомъ экзамена. Затѣмъ началось торжественное чтеніе «Колокола», пошли толки, сужденія, споры, въ которыхъ я никакъ немогъ разобраться и усталый легъ въ постель. Утромъ нянюшка насилу меня разбудила, называя «скубенкомъ» и завѣряя, что уже звонили на ученіе; кое какъ собравшись и облачившись въ свой новенькій мундиръ съ краснымъ воротникомъ и обшлагами, я побѣжалъ на бульваръ, служившій намъ сборнымъ пунктомъ. На бульварѣ былъ уже не одинъ десятокъ учениковъ; всѣ оживленно о чемъ то толковали но лишь подошелъ я къ одной группѣ, меня встрѣтили дружнымъ хохотомъ, а тотъ самый гимназистъ, который вчера воспользовался моимъ № «Колокола» потрепалъ меня за ухо и прогналъ вонъ говоря, что много будетъ чести, чтобы 6 классники разговаривали съ неопитомъ 2 классникомъ.

Первые уроки прошли въ провѣркѣ учителями имѣвшихся у учениковъ учебниковъ и пособій, а также объясненіи метода, при чемъ учителя убѣдительно доказывали, что стоитъ только внимательно прослушать лекцію, сдѣлать кое какія замѣтки и нѣтъ надобности по вечерамъ зубрить. Непомню кто изъ учителей вкратцѣ объяснилъ ту роль, какую должны играть въ обществѣ и въ храмѣ науки учителя, сельской школы и гимназіи и, наконецъ, професоръ университета, ссылаясь при этомъ на авторитетъ польскаго писателя Трентовскаго и цитируя многія мѣста изъ его «Хованны». При такихъ условіяхъ начался учебный годъ то есть годъ моего поступленія въ Гимназію. Преподаваніе шло безъ малѣйшаго отступленія отъ программы, впрочемъ иногда учителя позволяли себѣ дѣлать нѣкоторыя отступленія примѣняя теорію на практикѣ.

Компанія французскихъ инженеровъ дѣлала изысканія для предполагавшейся къ постройкѣ желѣзной дороги, какіе то нѣмцы проводили правительственный телеграфъ, долженствующій замѣнить существовавшіе тогда маяки. Въ обществѣ уже открыто говорили объ освобожденіи крестьянъ. «Колоколъ» получался свободно и читался не только въ частныхъ домахъ,

но публично. Получилась изъ Америки первая швейная машина.

Особенную дѣятельность проявило католическое духовенство устраивая «братства трезвости». Ровно по мановенію волшебнаго жезла, стали открываться новые книжные магазины, однимъ словомъ зашевелилось все, учителя выбивались изъ силъ, чтобы объяснить любознательнымъ ученикамъ, то или иное явленіе. Нерѣдко въ рукахъ учителя фигурировалъ № «Колокола». Весь классъ проникался одною только мыслью, не проронить ни одного слова учителя, звонка возвѣщавшаго конецъ урока никто не слышалъ, иногда также по просьбѣ учениковъ, назначались экстренные послѣ обѣденные уроки. Учитель физики демонстрировалъ локомотивы, телеграфные аппараты, учителя русскаго языка устраивали чтенія; одинъ изъ нихъ Балвановичъ отличался особою способностью, при чтеніи театральныхъ пьесъ, интонировать—получалась неподдѣльная иллюзія, казалось, что говоритъ не одинъ человекъ, а группа лицъ. Совершенно незамѣтно подошли экзамены, которые прошли блистательно. На экзаменахъ присутствовала вся губернская знать начиная съ Губернскаго Предводителя Дворянства, который былъ почетнымъ попе-

чителемъ Гимназіи. Учителя то и дѣло просили Его Превосходительство предлагать ученикамъ вопросы, и удачные отвѣты учениковъ, приводили въ восторгъ присутствовавшихъ на экзаменѣ родителей. Нѣкоторые эпизоды сохранились у меня въ памяти: такъ Губернскій Предводитель Дворянства, слушая объясненія ученика о Севастопольской войнѣ, предложилъ ему вопросъ, а чѣмъ же была вызвана эта война; ученикъ нерастерялся и безъ запинки отчеканилъ: „Не желаніемъ Императора Николая подчиниться рѣшенію Европы о соблюденіи политическаго равновѣсія“. Директоръ счелъ необходимымъ прекратить дебаты, а гимназистъ, ожидавшій одобренія, былъ смущенъ, видя въ какое неловкое положеніе поставилъ онъ ареопагъ ученыхъ. Вспомнивъ о Попечителѣ (Ляхницкомъ) занову въ свою хронику одно хотя пустячное, но весьма характерное обстоятельство, по установившемся издавна обычаю къ воскреснымъ обѣдамъ попечителя приглашались ученики по одному изъ каждого класса. Однажды и я попалъ въ число избранныхъ. Приказано было къ 5 часамъ вечера собраться въ квартирѣ инспектора, гдѣ происходилъ осмотръ нашихъ костюмовъ, а затѣмъ мы всѣ съ инспекторомъ отправлялись къ

Предводителю, тамъ послѣ представленія каждаго порознь Его Превосходительству, насъ провожали въ столовую, гдѣ уже было избранное общество. Намъ указывали мѣста за столомъ и начиналась трапеза. Подавали лакеи какія-то заморскія кушанья въ раковинахъ, такъ что приходилось зорко слѣдить за тѣмъ, какъ старшіе справлялись съ этими диковинками, чтобы вмѣсто вилки неначать ложкою, и всетаки не обошлось безъ инцидента; въ числѣ приглашенныхъ былъ одинъ мальчуганъ, только что пріѣхавшій изъ деревни; онъ по своей простотѣ кремъ принялъ за манную кашу, которую очень любилъ и положилъ его на свою тарелку такую порцію, что бѣдный лакей пришелъ просто въ ужасъ, но къ чести новичка, онъ удачно справился и повидимому непрочь былъ бы еще ушлесть такую же порцію.

Популярность Александра II и его ближайшихъ сотрудниковъ росла среди учащейся молодежи не по днямъ, а по часамъ, съ того момента, когда стала извѣстна конфирмація ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА по дѣлу надѣлавшему много шуму: «Объ оскорбленіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА кадетомъ Брестскаго Кадетскаго Корпуса №», дѣло это возникло по слѣдующему поводу. Скоро послѣ воцаренія Александра II,

состоялся приказъ о сѣ отбѣнѣ франныхъ мундировъ; кадетъ по этому поводу написалъ стихи. Стихи попали къ Директору Корпуса; кадета предали суду и Полевой Судъ присудилъ его къ лишенію всѣхъ правъ и проч., но такъ какъ актъ объ лишеніи дворянства, нуждался въ ВЫСОЧАЙШЕЙ Санкціи, то дѣло это было доложено Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Государь заинтересовавшись дѣломъ оставилъ его въ Своемъ кабинетѣ, а затѣмъ послѣдовала ВЫСОЧАЙШАЯ конфирмація: «оставить кадета на три дня безъ обѣда» и только. Всѣ были поражены такимъ неслыханнымъ по тогдашнему времени финаломъ. Вѣсть объ этомъ, переходя изъ устъ въ уста, выросла въ цѣлую легенду, которая способствовала укрѣпленію среди учащейся молодежи вѣры, что Государь любитъ дѣтей и прощаетъ имъ шалости. Заговоривъ о популярности на Литвѣ Александра II нельзя умолчать о Его Генераль-Адъютантѣ Назимовѣ, бывшемъ тогда Виленскимъ Генераль-Губернаторомъ. Всѣ сказки объ этомъ государственномъ дѣятелѣ, если-бы собрать въ одно, составили-бы объемистый томъ; однимъ словомъ не было той отрасли управленія, на которой Назимовъ не проявилъ-бы своей дѣятельности, но почему-то

всѣ рассказы объ этой кипучей дѣятельности носили каррикатурный характеръ, но въ нихъ неизмѣнно преобладало описаніе его доброты. Въ памяти моей уцѣлѣло немного такихъ рассказовъ, но этого я думаю будетъ достаточно, чтобы уяснить себѣ характеръ отношеній общества къ Назимову. Приготовленія къ приѣму Александра II, ожидавшемуся на Литвѣ, поглощали все вниманіе общества и властей. Назимову оставалось только давать разрѣшенія обществамъ, сословіямъ и отдѣльнымъ лицамъ, желавшимъ тѣмъ или инымъ способомъ выразить свою преданность Юному Монарху. За нѣсколько дней до пріѣзда Государя, Назимовъ посѣтилъ Виленскую Гимназію, въ залахъ которой дворянство устраивало балъ. Распорядитель работъ, предполагая, что вниманіе Назимова главнымъ образомъ сосредоточивалось на томъ, чтобы люстра была подвѣшена какъ разъ по серединѣ зала, докладываетъ Назимову, что это рѣшить очень просто, проведя двѣ діагонали, отыщется центръ. Назимовъ на лету ему говоритъ: «купите ихъ на мой счетъ», а на предложенный почти одновременно вопросъ директора ботаническаго сада, какъ разставить растенія по системѣ Линнея или Декандоля, тоже на лету говоритъ: «по

линейкѣ». Евреи выстроивъ триумфальную арку, оставили пустымъ мѣсто гдѣ обыкновенно помѣщаются соотвѣтствующія надписи. Объ этомъ вспомнилъ Назимовъ въ минуту пріѣзда Государя и увидѣвъ надпись сдѣланную еврейскими буквами сурово спросилъ, «что это значитъ»? На докладъ представителя евреевъ, что надпись патріотическая и дословно гласить:

„Ми пархи
Для свего Монархи“

погрозилъ только пальцемъ.

Съ увѣренностію можно сказать, что благодаря лишь огромной популярности Генераль-Губернатора Назимова, великая реформа освобожденія крестьянъ прошла относительно спокойно. Практиковавшіеся повсемѣстно военныя экзекуціи и сѣченіе крестьянъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ почти непримѣнялись. Къ сожалѣнію, въ моей памяти сохранилось лишь немногое относящіеся до этого міроваго событія; помню лишь какъ ВЫСОЧАЙШІЙ Манифестъ, при барабанномъ боѣ читался на улицахъ и площадяхъ, какъ мужики пріѣзжали изъ деревень, чтобы узнать, не скрыто-ли отъ нихъ что-либо попами и помѣщиками.

Школа устанавливала родственную связь между учащими и учащимися и эта связь свято

поддерживалась всю жизнь. Теперь смѣшно сказать, что и сторожа гимназій играли немалую роль въ обществѣ, отъ нихъ родители узнавали о поведеніи и успѣхахъ своихъ дѣтей, потому, что происходило въ школѣ составляло тайну не только для постороннихъ, но и для родителей.

До сихъ поръ въ моемъ воображеніи рисуется образъ солдата временъ Александра I почтеннаго капрала Савченко и помню его любимые рассказы о Парижѣ и Наполеонѣ. По его словамъ въ Парижѣ и мальчуганы брешутъ по французски, какъ наши барыни, а Наполеонъ, саженный верзило, здоровался съ солдатами по нашему, то есть говоря: „здорово ребята“, а солдаты ему отвѣчали: „здравія желаемъ **Ваше Наполеонское Величество**“. Онъ иногда вспоминалъ и о Суворовѣ, какъ онъ любилъ переодѣваться унтеръ-офицеромъ и повѣрять посты. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ рассказывалъ какъ его родной дядя стоялъ въ цѣпи гдѣ-то въ Нѣметчинѣ, подходитъ къ нему переодѣтый Суворовъ и спрашиваетъ: „что служивый такъ смотришь на луну, а какъ по твоему, далеко-ли до нея“, часовой подумавъ отвѣтилъ: „будетъ пожалуй, три Суворовскихъ похода“. Рундъ скрылся, а въ ту-же

ночь ротный поздравилъ часового съ галунами.

Въ то блаженное время, о которомъ теперь я благоговѣнно вспоминаю, не было вражды, ни племенной, ни религіозной: русскій, полякъ, нѣмецъ и еврей уживались рядомъ, правда шутили, спорили, въ смѣшномъ видѣ выставляли слабыя стороны жизни, но тогда никто немогъ и подумать даже о томъ, что спустя четверть столѣтія, появятся на литературномъ поприщѣ разные челоуѣконенавистники, сѣятели раздора, и лица ставящія себѣ въ особую заслугу травлю народностей одной противъ другой.

Школа объединяла все; изъ этого храма науки раздавались призывы къ любви ближняго, уваженію личности и закона. Учителя, которыхъ въ обществѣ титуловали профессорами, были руководителями общественнаго мнѣнія, къ ихъ авторитетному голосу прислушивались, совѣты ихъ высоко цѣнились.

Изъ году въ годъ повторялись уже описанныя процедуры ученія и я незамѣтно очутился въ 5 классѣ, по списку насъ числилось 35 челоуѣкъ, а въ томъ числѣ, около 10 поступившихъ изъ уѣздныхъ прогимназій, невольно возникалъ вопросъ, куда-же дѣвались

остальные? а вѣдь въ годъ моего поступленія было 82 ученика, оставшихся на второй годъ, вслѣдствіе болѣзни или неуспѣховъ въ наукѣ, 3—4 ч. а остальные? Они сочли, что уже постигли всю премудрость, кто надѣлъ поповскую рясу, кто военный мундиръ, а большинство гадали на какомъ поприщѣ приложить свои знанія на благо общее, и такъ философствуя одинъ изъ насъ воскликнулъ, что много званыхъ, а мало избранныхъ, за то мы всѣ крѣпко сплотились около своихъ дорогихъ наставниковъ и учителей, небыло ни одного общественнаго явленія, которое ускользнуло-бы отъ нашего вниманія, и не было ни одного волновавшаго насъ вопроса, на который не дали-бы намъ наши наставники самыхъ обстоятельныхъ объясненій. Болѣе всего доставалось учителямъ русскаго языка, исторіи и Закона Божія, имъ приходилось назначать послѣ обѣденныя собранія, которыя заканчивались нерѣдко полночь, но однажды совершенно неожиданно, вновь назначенный директоръ Гимназіи пригласилъ 5, 6 и 7 классы въ засѣданіе Педагогическаго Совѣта и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ объявилъ намъ, что въ виду политическаго броженія по ту сторону Нѣмана Попечитель Округа и жандармскій надзоръ за-

мѣтили, что пытливость нашего ума перешагнула границы дозволеннаго, что мы принимаемъ участіе въ тайныхъ обществахъ и уличныхъ демонстраціяхъ, и своими вопросами обращенными къ учителямъ ставимъ ихъ въ необходимость уклоняться отъ программы; давая разъясненія по вопросамъ неимѣющимъ ничего общаго съ преподаваемыми въ гимназіи науками и т. д. Это было первое, но внушительное предостереженіе. Молча мы покинули залъ Совѣта, молча разошлись по домамъ...

Цѣлую недѣлю мы не въ состояніи были ориентироваться и дать себѣ ясный отчетъ что случилось, но вотъ и грянулъ громъ—въ одно ноябрьское утро придя въ гимназію, ученики 6-го класса узнали, что двухъ ихъ товарищей ночью жандармы увезли куда-то, произошла паника, никто немогъ объяснить, что и какъ случилось. Даже тѣ учителя, къ которымъ ученики относились съ особымъ довѣріемъ, ничего немогли объяснить, несомненно было только то, что начальство круто поверло и не дастъ спуска, побѣждали къ надзирателямъ, которые въ качествѣ депутатовъ присутствовали при арестѣ, на нихъ ровно столбнякъ напалъ, одинъ изъ нихъ до того растерялся, что ночью когда его разбудили, онъ

пальто принялъ за брюки и долго съ симъ возился, пока квартальный непомогъ ему одѣться. Само собой разумѣется, что въ этотъ день занятій въ высшихъ классахъ небыло.

Вернемся однако къ героямъ дня, однимъ изъ нихъ былъ я. Обстановка этой памятной для меня ночи, свѣжи въ памяти моей, рисуется такъ: ровно въ полночь у подъѣзда дома, гдѣ была квартира моихъ родителей, остановился экипажъ, а въ слѣдъ за тѣмъ раздался легкій стукъ въ дверь. Дома еще неспали, по этому подъѣздъ былъ сейчасъ-же открытъ и въ комнату вошли жандармскій офицеръ, полицейскій приставъ, еле живой надзиратель гимназій и грозный жандармъ въ дорожномъ одѣяніи. Всѣ сразу смекнули въ чемъ дѣло, тѣмъ неменѣе, жандармскій офицеръ счелъ нужнымъ наговорить кучу любезностей, тутъ были извиненія за причиненное безпокойство, долгъ службы и т. д. и въ концѣ концовъ обращеніе ко мнѣ: собирайтесь въ дорогу въ уѣздный городъ Пружаны къ отцу, тутъ-же дано было разрѣшеніе моей матери сопровождать меня и приказъ жандарму замѣнить въ дороге слугу и т. д. Ровно въ 6 часовъ утра, я въ сопровожденіи матери, выѣзжалъ изъ города. Жандармъ уѣлся рядомъ съ ямщикомъ

и лишь только мы выѣхали изъ города, приказалъ ямщику развязать колокольчики, которые вѣроятно изъ предосторожности были подвязаны.

Вся эта исторія просто забавляла меня, но когда я узналъ изъ подорожной, что жандармъ сопровождаетъ „государственного преступника“, то есть меня, сталъ гордиться этимъ высокимъ званіемъ, хотя правду сказать, непонималъ значенія этихъ словъ. На станціяхъ смотрителя, прочитавъ подорожную, внимательно осматривали меня и повидимому боялись со мною говорить, а одинъ смотритель, котораго я раньше зналъ, на обращенное къ нему привѣтствіе, вмѣсто отвѣта, бросился къ жандарму съ завѣреніемъ, что онъ меня никогда не зналъ, что въ первый разъ въ жизни видитъ и что я вѣроятно по ошибкѣ принялъ его за знакомаго, а онъ ничего общаго неимѣетъ съ людьми..

На одной станціи мы остановились чтобы напиться чаю, за столикомъ кромѣ матери моей сидѣлъ жандармъ, — воспользовавшись его отсутствіемъ, я облачился въ его фуражку, надѣлъ саблю и дорожную сумку и въ такомъ видѣ пошелъ къ смотрителю, получилась эффектная картина: смотритель въ крайнемъ испугѣ, сталъ звать ямщиковъ, чтобы меня

разоружить, вотъ является жандармъ, смотреть на меня, смѣется и говорить: „ну и шалунъ вы баричъ“. На третій день нашего путешествія, въ 10-ть часовъ вечера, мы въѣхали въ уѣздный городъ и тройка остановилась у квартиры городничаго, капитана, знавшаго меня и всю нашу семью; у него были гости, а въ числѣ ихъ и моей отецъ. Появленіе жандарма съ секретнымъ пакетомъ изъ губерніи вызвало нѣмую сцену, изъ ревизора Гоголя, но старый капитанъ растерялся, онъ моментально принялъ строго официальный тонъ и застѣнувъ свой мундиръ, на всѣ пуговицы съ нераспечатаннымъ пакетомъ направился въ свой кабинетъ, за нимъ послѣдовалъ жандармъ, а тѣмъ временемъ, я бросился въ гостинную въ объятія отца. Произошла страшная сумятица, всѣ ровно ничего непонимали и не могли дать себѣ отчета, что случилось. Тѣмъ временемъ доносится изъ кабинета строгій голосъ городничаго: а гдѣ-же преступникъ? Жандармъ засутился и только слышны были отдѣльные слова: ахъ шалунъ! ахъ проказникъ! какъ ни старался городничій выдержать до конца свою роль, ему все таки пришлось сдаться. Однако ретивому служакъ, въ этотъ вечеръ пришлось вынести много испытаній. Публика

стала требовать объясненій, показать бумагу, какъ онъ неотбивался пришлось уступить и вотъ началось чтеніе, а бумага гласила: „На основаніи постановленія Педагогическаго Совѣта Гродненской Губернской Гимназіи, основаннаго на предписаніи Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, бывшій воспитанникъ VI класса Гимназіи №, какъ имѣвшій вредное нравственное вліяніе на своихъ товарищей, исключенъ изъ гимназіи, съ отдачею его подъ надзоръ отца, на мѣстѣ его жительства“, и только. Городничій послѣ этого обратился къ публикѣ съ слѣдующею рѣчью: Господа, вы произвели насиліе, и если я буду привлеченъ къ отвѣтственности и пострадаю, то мнѣ будетъ очень грустно помнить, что это сдѣлали тѣ люди, которые пользовались моимъ довѣріемъ и гостепріимствомъ и т. д.“, но голосъ старика заглушили крики гостей и сбѣжавшихся со всѣхъ концовъ города гражданъ, желавшихъ во что-бы то ни стало, узнать кого это привезъ жандармъ, котораго между тѣмъ щедро угощали и награждали деньгами, разные Добчинскіе и Бобчинскіе желая какъ можно скорѣе узнать, во истинну великую тайну. Почти до разсвѣта весь городъ шумѣлъ, я просто сдѣлался легендарнымъ героемъ, а по-

дорожную, въ которой значились слова „государственный преступникъ“, хотѣли во что-бы то нистало, купить у жандарма, которому предлагали за нее чуть-ли не 100 руб., но жандармъ снисходя къ такимъ настоятельнымъ просьбамъ, лишь согласился дозволить списать съ подорожной копію. Черезъ два дня жандармъ уѣхалъ и все повидимому успокоилось, но любознательные горожане, никакъ немогли уяснить себѣ значенія словъ „государственный преступникъ“ и „вредное нравственное вліаніе“. Постоянныя ихъ обращенія ко мнѣ до того мнѣ надоѣли, что я сталъ хандрить и нѣкоторое время невыходилъ изъ дому. Мало по малу обыватели свыклись съ мыслию, что среди ихъ проживаетъ хотя и юноша, но опасный, себѣ на умѣ, все молчить и нехочеть повѣдать имъ какой то важной тайны и стали меня обѣгать, а затѣмъ стали увѣрять, что я нигилистъ, не признаю Бога и имѣю общеніе съ нечистымъ. Это послѣднее мнѣніе укоренилось особенно съ того момента, когда въ газетѣ появилось описаніе одного происшествія, имѣвшаго лишь мѣстное значеніе Предательская буква В красовавшаяся подъ статьею, надѣлала мнѣ много бѣдъ, пришлось бѣжать изъ города. Дѣло вотъ въ чемъ: у бѣдной

мѣщанской вдовы квартировалъ человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, промышлявшій строченіемъ разнаго рода прошеній. Между этимъ господиномъ и дочкою вдовы завязался романчикъ, кончившійся появленіемъ на свѣтъ младенца. Сіе событіе произошло въ ночь съ 23 на 24 Декабря. Бѣдная обезчещенная вдова завернувъ „плодъ любви несчастной“ въ тряпье, положила его у ногъ верзилы, но тотъ выгнавъ изъ своей квартиры мѣщанку съ ея ношей, въ самомъ скверномъ настроеніи духа, шагаль по своей каморкѣ. По мѣстному обычаю, съ ранняго утра началось колядованіе, хоръ мальчишекъ, ничего не зная о случившемся въ домѣ вдовы, остановился у дома. Но едва лишь раздались первые звуки пѣсни, прославлявшей появленіе на свѣтъ младенца, какъ выведенный изъ терпѣнія верзила, вооружившись дубиною, сталъ разгонять мальчишекъ, выкрикивая во всю мочь, „а вамъ подлецы, какое дѣло, что родился младенецъ“. Само собою разумѣется сейчасъ-же весь городъ узналъ о пикантномъ происшествіи, а спустя двѣ недѣли, горожане прочитали объ этомъ въ газетѣ. Въ довершеніе всего мѣстный ксендзъ, въ проповѣди, произнесенной въ день полученія газеты, прочиталъ статью и

указаль прихожанамъ на это зло, которое происходитъ отъ незаконнаго прелюбодѣянiя, виновные, въ которомъ несутъ должное наказанiе. Проповѣдь произвела неописуемый эффектъ, мѣщанка и отецъ ребенка присутствовали въ костелѣ—отъ нихъ, какъ отъ прокаженныхъ, отвернулись все вѣрные католики, а по выходѣ изъ костела, тѣ-же мальчики, которые привѣтствовали появленiе на свѣтъ младенца, проводили злосчастныхъ настоящимъ кошачьимъ концертомъ. Теперь начались усиленные розыски, кто осмѣлился такъ кощунственно разоблачить семейную тайну. Судили, рядили и порѣшили, что на это можетъ быть способнымъ „государственный преступникъ“, то есть я, и мнѣ угрожала серьезная опасность, отъ которой я избавился лишь бѣгствомъ подъ защиту помѣщика.

Очутившись въ самомъ неопредѣленномъ и даже глупомъ положенiи, въ навязанной мнѣ роли „государственного преступника“ и опаснаго газетнаго корреспондента, рѣшилъ праздники Рождеста Христова и Масляницу провести въ деревнѣ и основательно познакомиться съ бытомъ помѣщиковъ. Праздникъ Рождества Христова по мѣстному преданiю скучнѣйшее время года, визитировать непринято, остается

задавать лукуловскія угощенія и кататься въ саняхъ, и того и другого я отвѣдалъ до сыта. Помню какъ у помѣщика средняго состоянія, утро начиналось въ 8 час., когда лакей подавалъ еще въ постели стаканъ чаю, затѣмъ процедура съ туалетомъ и приглашенія къ чаю. За чаемъ подавались сливки, всевозможныя печенія и даже жаркія и все это цстреблялось въ громадныхъ количествахъ; въ 11 часовъ завтракъ, состоящій изъ 4—5 блюдовъ, затѣмъ катаніе; въ 3 часа обѣдъ изъ 7—8 блюдовъ, массы закусокъ, водки, различныя наливки, ликеры и вина, послѣ обѣда часовой отдыхъ, въ 7 часовъ чай, въ 9 часовъ вареніе, фрукты, всевозможныя сладкія питія, а въ 11 часовъ ужинъ изъ 5—6 блюдовъ и такъ всю жизнь — росписанія порядка подачи блюдовъ свято хранились, какъ дорогое завѣщаніе предковъ.

Въ безпрерывномъ обжорствѣ и пьянствѣ и толкахъ о послѣдствіяхъ Манифеста 1861 г. мнѣ пришлось встрѣтить 1862 г. и какъ новогодній подарокъ, я получилъ около 20 писемъ отъ родныхъ и товарищей. Всѣ поздравляли, кто съ новымъ годомъ, кто съ милостью Начальства, даровавшаго мнѣ прощеніе за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія, а кто съ твердостью характера, и тѣмъ сознаніемъ мое-

го высокаго положенія потомственного дворянина, съ какимъ я такъ героически вынесъ павшія на мою долю испытанія, а другъ дѣтства описаль тотъ эффектъ, какой произвелъ въ городѣ мой арестъ и Манифестацію товарищей, которые, въ знакъ траура, оставили незакрытыми тѣ скамьи, на которыхъ сидѣли я и мой злополучный товарищъ по ссылке.

Какихъ только мѣръ непринимало начальство, чтобы образумить моихъ товарищей, но все было безуспѣшно и въ концѣ концовъ двѣ скамьи съ вырѣзанными на нихъ фамиліями нашими, пришлось убрать и сдать въ мастерскую, и лишь въ концѣ письма была маленькая приписка, что всетаки гимназическому начальству пришлось сдѣлать уступку и исполнить рѣшеніе попечителя округа, оставивъ меня на второй годъ въ VI классѣ и такъ годъ потерянъ на всегда, но спасибо и за то, что я опять увижу свое родное пепелищѣ и...

Учебный 186²/₃ годъ начался демонстраціею—все бывшіе мои товарищи по VI классу и многіе изъ учителей пожелали вознаградить меня за наказаніе, которому я подвергся по жребію (10-й по списку), снялись въ одной группѣ со мною и эта фотографія осталась для меня лучшимъ воспоминаніемъ счастливаго

дѣтства и первыхъ годовъ ученія. Каждый годъ вынимаю эту реликвію, всматриваюсь въ нее, но увы дорогія лица все отходятъ въ вѣчность—остался я одинъ, и долженъ сознавать свое горькое одиночество,—нѣтъ у меня ни братьевъ, ни сыновей, ни однофамильцевъ даже—грустно—невольная слеза скатывается на мою дорогую реликвію, я благоговѣйно цѣлую ее, и опять прячу до слѣдующаго года.

Когда-то въ дѣтствѣ я, въ старой книгѣ неимѣвшей ни начала, ни конца, вычиталь фразу приписываемую Наполеону I, что „отъ смѣшнаго до великаго одинъ шагъ“ и на оборотъ—я долго размышлялъ, сдѣлалъ изъ книги выписку, и при всякомъ случаѣ старался заводить на эту тему разговоры, но никто не сумѣлъ дать мнѣ должнаго разъясненія. Вечеромъ, 2 марта 1863 года, занятія у меня не клеились, я машинально сталъ перелистывать свои замѣтки и надкнувшись на вышеприведенное изрѣченіе, я почему-то остановился на немъ и даже незамѣтилъ того какъ подкравшійся ко мнѣ квартальный въ сопровожденіи артиллерійскаго солдата грубо закричалъ: „а вотъ голубчикъ поймали тебя, нужно одѣваться“; тутъ возражать нельзя было и меня ученика VI класса гимназіи 18 л. юношу по-

вели какъ арестанта, втокнули въ какую-то калитку, а тамъ подхватили меня другіе, повели въ какую-то канцелярію, записали, и я слышалъ только одно слово—„въ секретную“. Начинало свѣтать. Сонъ пропалъ. Начинаю разсматривать свое помѣщеніе—комната просторная, два окна за рѣшетками, въ двери маленькое отверстіе, у котораго стоялъ часовой, лѣнливо заглядывавшій въ это отверстіе. Пришла смѣна, старый часовой ушелъ, а новый ровно сказочный котъ ученый, толчется на одномъ мѣстѣ и немилосердно зѣваетъ—проходятъ томительные часы, ужасная скука—ложусь спать, но на голыхъ доскахъ безъ подушки, неспится; начинаю шагать по камерѣ, насвистываю что-то, голова тяжелѣетъ, я нераздѣваясь повалился на свое жесткое ложе и уснулъ. И только въ полдень меня разбудилъ какой то шумъ и стукъ у дверей, —принесли обѣдъ состоявшій изъ очень вкусныхъ солдатскихъ щей; съ волчею жадностію я проглотилъ свою порцію и опять погрузился въ сонъ. Воснѣ слышу какія-то постукиванія въ стѣнку, съ начала не могу сообразить, но вспоминаю объ арестантскомъ телеграфѣ и подаю отвѣтный сигналъ. Сосѣдъ спрашиваетъ кто я? и завязалась у насъ бѣсѣда, но скоро обнаружи-

лось, что можно и неприбѣгать къ телеграфу — за печкою въ нишѣ изъ камеры былъ вынутъ кирпичъ и можно было вести непрерывный разговоръ. И такъ, первая потребность узниковъ удовлетворена — было устроено правильное телеграфное сообщеніе по всему острогу. Жандармы все это видѣли, смѣялись и только. Несмотря на это искусственное развлеченіе, съ каждымъ днемъ становилось все скучнѣе и скучнѣе; томила главнымъ образомъ неизвѣстность, насъ недопрашивали, и только черезъ дней 10 насъ посѣтилъ жандармскій шт.-офицеръ полковникъ Леляковъ. Войдя въ мою камеру и узнавъ мою фамилію, онъ что-то вспомнилъ и улыбаясь проговорилъ: „мы кажется знакомы“, затѣмъ сталъ спрашивать, что я дѣлалъ находясь въ ссылкѣ; я ему рассказалъ объ инцидентѣ съ газетною статьею, полковникъ ужасно смѣялся и просилъ чтобы я ему описалъ этотъ случай, я разумеется изъявилъ полную готовность. На прощаніе начальство пожало мою руку и приказало жандарму присылаемая изъ дому книги и пишу безпрепятственно передавать; эта любезность была совершенно лишняя, такъ какъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ у насъ уже существовали. Въ этотъ-же день у меня появи-

лись бумага и письменный приборъ. Въ половинѣ великаго поста, насъ допросили, и послѣ этого камеры наши уже не запирались, у насъ появились и карты, теперь недоставало только водки, но и тутъ оказалось, что голь на выдумки хитра. Военный врачъ, насъ посѣщавшій, выписывалъ водку для больныхъ подъ именемъ „аква вита“, а на Пасху рецепты добраго эскулапа привязывались къ штофамъ и полуштофамъ, и никому даже въ голову не приходило замѣтить, что это контрабанда. На Пасху все начальство: Губернаторъ, Командантъ, Жандармскій шт.-офицеръ со свитою христосовались съ нами и спрашивали, нѣтъ ли претензій. Аудиторскій писарь, страшный пьяница сталъ насъ частенько посѣщать, сообщая самыя сенсаціонныя новости, и каждый разъ уходилъ совершенно пьянымъ, мы ему помогали исписывать цѣлые фоліанты разныхъ сентенцій, выписокъ и копій съ приговоровъ. Аудиторъ былъ доволенъ, что такимъ путемъ ему удалось закончить массу дѣлъ, по прямой его обязанности аудитора гарнизоннаго батальона, снисходительно смотрѣлъ на пьянство писаря. Несмотря на все это, убійственная скука и томительная неизвѣстность положительно изводили насъ. Послѣ Троицы помѣ-

щеніе тюрьмы стали передѣлывать: арестанты все прибывали, объ насъ совершенно позабыли. Пытались было установить кое какія строгости, но эти попытки потерпѣли полное фіаско, а главная наша забота была въ изысканіи новыхъ для себя развлеченій. Такъ и насталь Сентябрь. Аудиторскій писарь сообщилъ намъ по секрету, что и наша участь рѣшена и даже принесъ намъ выписку изъ конфирмацій, и на этотъ разъ правдивую; мы его отблагодарили достойнымъ образомъ, но никакъ не могли дожидаться минуты, когда приведутъ конфирмаціи въ исполненіе. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Сентября, насъ позвали въ комиссію военнаго суда. Весь составъ грознаго Трибунала въ мундирахъ, на лицахъ Презуса, членовъ и особенно Аудитора ясно рисовалось страшное утомленіе, — мы просили, чтобы не читали всего приговора, а объявили-бы только резолюцію. Просьба была удовлетворена, и мы подписались на подлинныхъ конфирмаціяхъ. Томительная процедура кончилась въ 5 минутъ. Всѣ легче вздохнули; я былъ приговоренъ къ отдачѣ въ военную службу, безъ лишенія дворянства, въ Сибирскіе линейные баталіоны. Дядька Тихонъ, такъ мы звали жандармскаго унтеръ-офицера Тихонова, уводя насъ обрат-

но въ камеру, сказалъ мнѣ: „ну баринъ ты теперь нашъ—черезъ годъ, много много два, будешь офицеромъ, я сейчасъ сбѣгаю къ твоей мамашѣ, пусть служитъ молебень за Батюшку Царя,—вишь милостивый какой». Вечеромъ я все приставалъ къ дядкѣ Тихону съ вопросомъ, «а деревянные колодки надѣнутъ»? Въ первыхъ числахъ Октября, намъ дали солдатское обмундированіе и, въ товарномъ вагонѣ отправили въ г. Вильно. Въ документахъ я именовался политическимъ преступникомъ «не вродѣ арестанта, безъ оковъ»; и такъ, меня разжаловали, то есть понизили рангомъ: изъ «государственнаго преступника» въ «политическіе преступники».

Часть II.

И такъ, я, потомственный дворянинъ, утвержденный въ этомъ званіи Указомъ Правительствующаго Сената, которому еще въ колыбели предсказывали ученую карьеру, даже не окончилъ гимназіи, а съ 17-го Сентября 1863 года сталъ рядовымъ Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ. Вотъ такъ иронія судьбы! Ну слава Богу, что по крайней мѣрѣ голову необрили и колодокъ ненадѣли, а всеже по статейному списку отмѣтили „не вродѣ арестанта—безъ оковъ“; Теперь только одно оставалось—дождаться отправки по назначенію. Въ первыхъ числахъ Октября цѣлая партія «политическихъ преступниковъ» въ томъ числѣ и я вышли изъ тюрьмы и подъ конвоемъ направились къ желѣзнодорожному вокзалу. При этой церемоніи изъ начальства присутствовалъ одинъ только добрый жандармъ Тихоновъ, сердечно попрощавшійся съ нами, даже благословилъ. По пути тысячная толпа родныхъ, друзей, знакомыхъ и по просту любопытныхъ кричала: «до свиданья», «счастливаго пути» и пр. На вокзалѣ насъ помѣстили въ товарные вагоны и мы

двинулись въ путь въ г. Вильно. Опять тюрьма. Изъ Вильно насъ отправили въ арестантскомъ вагонѣ до Петербурга. Въ столицѣ военныхъ отдѣлили отъ гражданскихъ и насъ помѣстили въ казармахъ губернскаго баталіона, носившихъ названіе «Аракчеевскихъ». Солдаты приняли насъ очень дружелюбно, хорошо кормили и даже дали хорошія постели. Въ столицѣ предполагалась дневка и назначенный къ намъ дядька въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ, объявилъ, что если пожелаемъ осмотрѣть столицу, то онъ назначитъ провожатыхъ для того, чтобы мы незаблудились и удалился. На другой день казарму посѣтили многіе желавшіе посмотреть на „полячковъ“, а одинъ купчина съ дочкою даже удостоили насъ разспросами откуда мы? чѣмъ раньше занимались? и въ этомъ родѣ, при чемъ случился очень забавный инцидентъ: одинъ изъ товарищей отвѣчая на эти вопросы случайно нагнулся и изъ подъ рубахи показался золотой крестикъ. Купеческая дочка наивно спросила отца: „папаша! папаша! неужели они крещены“? Почтенный купчина страшно сконфузился и поспѣшилъ раскланяться. Предполагаемая дневка затянулась, такъ какъ командиръ отдѣльнаго корпуса Внутренней стражи, фонъ-деръ-Лауницъ

пожелалъ насъ видѣть. Дядька освѣдомился есть-ли у насъ казенная одежда, попросилъ показать, осмотрѣлъ наши шинели и кепи, другой одежды мы не взяли въ дорогу, затѣмъ нашу одежду передалъ портному, чтобы привести въ порядокъ и удалился. Къ вечеру наши шинели и кепи уже красовались на вѣшалкѣ, инспекторскій смотръ прошелъ блистательно. Корпуснаго командира встрѣтилъ командиръ баталіона, а мы толпились у оконъ. Затѣмъ адъютантъ выравниалъ насъ и въ казарму вошелъ величественною поступью съдой генераль со свитою. Въ сосѣдней комнатѣ раздалось громкое привѣтствіе солдатъ: „здравія желаемъ Ваше Превосходительство“. За насъ честь генералу отдалъ дядька. Генераль прошелъ мимо насъ непроронивъ ни слова и вышелъ въ другую дверь. Послѣ этого дядька просилъ насъ собираться въ дорогу, прибавивъ, что онъ назначитъ солдатъ для увязки нашего багажа, но мы отказались. Никого изъ насъ неинтересовалъ Петербургъ и мы лишь разговаривали съ солдатами. На слѣдующій день, въ 4 часа дня, уложили на подводѣ нашъ багажъ и въ сопровожденіи того-же дядьки, отправили на вокзалъ. Мы предложили дядькѣ, что-то непомню 5 или 10 руб., но онъ въ

изысканныхъ выраженійхъ поблагодарилъ и денегъ не взялъ. Сдавъ насъ и нашъ багажъ жандарму, по военному простился съ нами и пожелавъ счастливаго пути удалился.

Черезъ часъ мы очутились въ арестантскомъ вагонѣ и поѣздъ тихо отошелъ по направлению къ Москвѣ. Сопровождавшій партію офицеръ дорогою знакомилъ насъ съ достопримѣчательностями, а въ Москвѣ насъ, а также партію арестантовъ въ оковахъ отвели въ тюрьму. Арестанты оказались весьма зажиточными и услужливыми—черезъ нѣсколько минутъ у насъ былъ кипятокъ и весьма приличная посуда, арестантъ намъ предлагалъ кондитерскаго тѣста, водки и закусокъ, но мы отказались. Словоохотливый арестантъ объяснилъ, что мы находимся въ башнѣ Пугачева и что здѣсь-же клѣтка, въ которой этотъ авантюристъ былъ доставленъ въ Москву. Арестантъ этотъ выглядѣлъ половымъ и до поздней ночи рассказывалъ разные анекдоты изъ тюремной жизни. Въ сосѣдней съ нами коморкѣ онъ ночевалъ. Утромъ мы, разумѣется, поспѣшили осмотрѣть историческую клѣтку, но не воспользовались предложеніемъ смотрителя тюрьмы побывать въ городѣ. Услужливый арестантъ утромъ освѣдомился, что мы желаемъ

имѣть къ обѣду и записать заказы, а также время когда подать, удалился. Къ 2 часамъ былъ сервированъ столъ роскошно, арестанты по командѣ нашего камердинера, съ замѣчательною ловкостью подавали блюда и прислуживали. Вся эта роскошь стоила буквально гроши, а камердинеръ хотя отказывался отъ платы за труды, но все таки взялъ. Дневка наша была дѣйствительно дневкою и опять старая исторія, кандальщики впереди, за ними арестанты въ наручныхъ, а въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи мы. За нами цѣлая вереница повозокъ съ багажемъ,—мы шли молча, потихоньку дошли до вокзала—и опять арестантскіе вагоны; на этотъ разъ мы удивлялись щедрости Московскихъ купчихъ все подвозившихъ огромное количество съѣстныхъ припасовъ и денегъ, которыя принималъ арестантскій староста, дорогой староста освѣдомился чрезъ конвойнаго, непожелаемъ-ли мы принять части подаенія, но мы письменно его поблагодарили за предложеніе и разумѣется отказались. И вотъ цѣль нашего путешествія—Нижній-Новгородъ,—отсюда начинается уже движеніе этаповъ, въ назначенные по росписанію дни. Этапныя команды выступаютъ одна для пріема, а другая для сдачи арестантовъ, и такъ изъ

году въ годъ, съ тѣмъ однако, что одинъ разъ въ году движеніе партій задерживается на нѣкоторое время, пока неустановится зимній путь. Всѣ команды содержатся по одному и тому-же штату и вооружены кремневыми ружьями. На пути жители деревень и селъ выносили подаяніе „несчастненькимъ“, а по приходѣ на этапъ цѣлая вереница деревенскихъ бабъ ожидала партію съ самыми незатѣйливыми и баснословно дешевыми кушаньями, такъ что за пятакъ можно было роскошно продовольствоваться цѣлый день. Подводы, на которыхъ везутъ арестантскій багажъ, почему-то назывались „форфозы“. Отъ Нижняго до Перми, въ буквальномъ смыслѣ слова одна и таже картина. Арестанты отлично знаютъ какой этапный начальникъ строгій, а этою печальною извѣстностью пользовался одинъ изъ нихъ въ Вятской губерніи, капитанъ Фреядъ. И дѣйствительно онъ выпоролъ 2-хъ арестантовъ за непочтительное по его мнѣнію отношеніе ихъ къ начальству т. е. старшему. Онъ самъ на лихой тройкѣ догналъ партію лишь на половинѣ дороги. Я рѣшилъ въ Перми остаться до весны, и это безъ всякихъ затрудненій удалось мнѣ. Сейчасъ-же была послана телеграмма въ Гродно, а черезъ двѣ недѣли получилъ я письма, день-

ги и газеты. Разставаясь съ этапами я подѣлился своимъ багажемъ и деньгами съ моими невольными товарищами. Правду сказать, все это добрый людъ, смотря на нихъ невольно удивляешься, неужели эти закованные съ ногъ до головы преступники, могли когда-нибудь совершить преступленіе, они крайне богомольны, любятъ читать книжки, интересуются ими, я дорогою потратилъ нѣсколько рублей на книжки для этихъ дѣйствительно несчастныхъ и нужно было видѣть ихъ радость. Они всю дорогу берегли насъ, таскали нашъ багажъ, сдерживали въ присутствіи нашемъ ругань и вообще были весьма почтительны и никогда не принимали отъ насъ никакой денежной благодарности. На ночлегахъ они даже просили нашего разрѣшенія пѣть. Эхъ! тутъ есть надъ чѣмъ задуматься, что ихъ гонить въ тюрьмы, а затѣмъ въ Сибирь? Во всякомъ случаѣ, я весьма сердечно простился со своими попутчиками и въ тотъ-же день исполнилъ всѣ ихъ порученія на счетъ махорки, а главное—книжекъ. Въ Перми я въ буквальномъ смыслѣ, ничего недѣлалъ, только читалъ и письма писалъ. Пермь обширный и благоустроенный городъ, моя хозяйка почти ежедневно заходила ко мнѣ на чай, отецъ ея зналъ Сперанскаго и

разсказывалъ мельчайшія подробности изъ жизни его въ Перми. Отдохнувъ и забывшись отъ дорожныхъ впечатлѣній, я 1-го мая двинулся далѣе, тоже по этапу, но партія состояла почти исключительно изъ «политическихъ преступниковъ», такъ что переходъ до Тюмени скорѣе походилъ на экскурсію туристовъ, чѣмъ на движеніе партіи арестантовъ. Теперь уже не раздавался звукъ кандаловъ, который приводилъ многихъ къ полному раздраженію нервовъ. Такое движеніе намъ дало возможность на каждомъ шагѣ любоваться красотами большого Сибирскаго тракта и грандіознымъ Уральскимъ хребтомъ, а въ Екатеринбургѣ и его окрестностяхъ мы положительно были въ восторгѣ отъ всего видѣннаго нами и накупили массу цѣнныхъ вещей. За Екатеринбургомъ уже нѣтъ подъема, путь почти безъ уклона,—и вотъ подъѣзжаемъ къ величественному памятнику, на которомъ изображено: «Въ память высокаго посѣщенія этого мѣста Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и Великимъ Княземъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Лихтенбергскимъ въ 1837 году», а на барельефахъ съ одной стороны: «Европа»,—съ другой «Азія». У памятника былъ

сдѣланъ привалъ, каждый изъ насъ внесъ въ свою памятную книжку эту надпись, а многіе и срисовали памятникъ, который изображаетъ мраморную пирамиду увѣнчанную Государственнымъ Гербомъ. Памятникъ обнесенъ металлическою рѣшеткою и охраняется двумя инвалидами, для которыхъ выстроена роскошная, подъ желѣзною крышею, сторожка. Путь до Тюмени прошелъ незамѣтно; изъ Тюмени этапный путь направляется на Тобольскъ, а мнѣ предстояло ѣхать на Ялуторовскъ и Ишимъ до Омска. На другой день я поѣхалъ въ тюрьму, чтобы проститься съ моими попутчиками, и видѣлъ церемонію похоронъ арестанта; четыре арестанта въ кандалахъ на одной общей цѣпи, которою ихъ руки были прикованы къ носилкамъ, вынесли изъ тюрьмы бѣлый некрашенный гробъ, грустно...

Изъ Тюмени я выѣхалъ на почтовыхъ и неспѣша двигался къ Омску. Тутъ все интересно, начиная съ крестьянина, который держитъ себя горделиво и въ обращеніи къ постороннимъ, чтобы онъ нибылъ, — не знаетъ «вы». Съ перваго-же взгляда нетрудно замѣтить, что онъ и не знаетъ, что такое крѣпостное право, а благосостояніе крестьянина — просто сказочное. Ежедневно къ обѣду подаютъ три блюда —

«щи, жаркое и кашу». По воскресеньямъ или праздникамъ пироги два а то и три сорта жаркихъ, въ заключеніе блинцы или оладіи. Къ утреннему чаю подается молоко топленое замѣчательно жирное, всевозможныя шанечки (ватрушки) и медъ. На Сѣверѣ человекъ много ѣсть. Сибирская природа величественна—тамъ нѣтъ посредственности—все грандіозно. Кедровые лѣса, рѣки въ нѣсколько разъ шире Волги; и почтовые переѣзды бывають до 40 верстъ; объ нихъ говорятъ: «баба мѣрила клюкою, да махнула рукою». Торговые караваны двигаются въ составѣ не менѣе 100 повозокъ и т. д. Въ одномъ изъ селеній я остановился съ тѣмъ, чтобы погулять—ужасно надоѣло сидѣть въ повозкѣ. Случайно захожу въ волостное правленіе, въ прихожей красуется скамейка съ четырьмя выемками для головы, рукъ и ногъ, у двухъ выемокъ желѣзныя скобы, во всю длину скамейки, окрашенной зеленою краскою, надпись: „за маловажныя преступленія“. Было обѣденное время и волостной писарь пригласилъ меня къ обѣду, который по обыкновенію состоялъ изъ трехъ блюдъ. Въ каждомъ селѣ церковь, почтовая контора и нѣсколько кабаковъ; пришлось мнѣ видѣть селенія, въ которыхъ было нѣсколько церквей. Въ

Омскъ прибылъ въ началѣ июля. Городъ съ массою казенныхъ зданій и крѣпостью, по всей вѣроятности поддерживаемою какъ историческій памятникъ. Обывательскіе дома почти всѣ деревянные, мосты и тротуары тоже деревянные. Генераль-Губернатора дворецъ — огромное трехъ-этажное зданіе — отстоитъ отъ крѣпости почти на двѣ версты. Тогдашній Генераль-Губернаторъ Генераль отъ Инфантеріи Дюгамель очень рано вставалъ и по утрамъ гулялъ по аллеѣ, идущей отъ дворца къ крѣпости. Въ одну изъ такихъ прогулокъ замѣтилъ онъ кадета при отправленіи имъ естественной надобности. Кадетъ не смутился и отдалъ честь. Старикъ Дюгамель долго хохоталъ, а замѣтивъ не въ далека кварталнаго, приказалъ ему секретно узнать фамилію кадета и ему доложить. Порученіе было исполнено, и адъютантъ командующаго войсками сейчасъ потребовалъ кадета по дѣламъ службы. Въ кадетскомъ корпусѣ произошелъ страшный переполохъ, всѣ въ ожиданіи грозы немедленно облачились въ полную парадную форму, а кадета въ ранцѣ и съ ружьемъ отправился въ коляскѣ вмѣстѣ съ адъютантомъ. Дюгамель сейчасъ принялъ кадета и, поздоровавшись по военному, спросилъ, онъ-ли сегодня утромъ отдавалъ

ему честь, но вмѣсто отвѣта раздались страшныя рыданія; тогда Дюгамель приказалъ снять аммуницію и отвести кадета въ дѣтскую, гдѣ находились его внучатки. За вечернимъ чаемъ кадетъ просилъ отпустить его, такъ какъ въ случаѣ опозданія, онъ будетъ наказанъ; Дюгамель похвалилъ кадета за знаніе устава и съ адъютантомъ отправилъ его въ корпусъ, предварительно передавъ ему нѣсколько фунтовъ конфетъ для его одноклассниковъ. Адъютанта встрѣтилъ на крыльцѣ директоръ корпуса въ полной парадной формѣ и только увидѣвъ кадета и конфеты успокоился. Миѣ также рассказывали о весьма прискорбномъ случаѣ бывшемъ въ кадетскомъ корпусѣ. Кадетъ провинился и въ наказаніе назначили его въ карауль; по какому-то странному недоразумѣнію, кадета послали въ карауль въ военный госпиталь, а тамъ начальникъ караула желая усилить наказаніе, назначилъ его на постъ къ «мертвецкой». Кадету пришлось стоять на часахъ послѣ зари и вдругъ онъ видитъ какъ покойникъ въ саванѣ поднимается; отъ перепуга кадетъ теряетъ сознаніе, кричитъ и бѣжитъ, но спотыкается и падаетъ. Случайно проходившій служитель, замѣтивъ кадета, подаетъ тревогу; всѣ забѣгали, засуетились. Докторамъ насилу

удалось привести въ чувство полуживого кадета, но тутъ-же было установлено, что съ нимъ случился нервный ударъ и горячка, а мнимо умершій оказался летаргикомъ. Утромъ когда доложили Дюгамелю о происшествіи, досталось всѣмъ, особенно директору корпуса и начальнику караула, и только благодаря добротѣ Дюгамеля, виновные не попали въ судъ, и то потому только, что кадетъ подавалъ надежды на выздоровленіе.

Въ началѣ Августа я оставилъ Омскъ. На всемъ огромномъ протяженіи до Томска былъ только одинъ городъ Каинскъ, населенный почти исключительно евреями, за то въ селеніяхъ пришлось видѣть кликушъ, гермофродитовъ, называемыхъ въ Сибири „двухснастными“, и порядокъ отбыванія женщинами натуральной повинности. Кликуша невыноситъ запаху табачнаго дыма, а въ церкви какъ только услышитъ херувимскую, начинается выть, падаетъ на полъ, съ нею происходятъ конвульсіи и ее уносятъ домой. Подобныя сцены я видѣлъ, и даже едва не лишился жизни отъ руки кликуши. Дѣло въ томъ, что на одной станціи я потребовалъ самоваръ, молока и хлѣба, когда хозяйка ушла исполнить мое требованіе, я закурилъ сигару; но вотъ входитъ хозяйка, дер-

жа въ одной рукѣ хлѣбъ, а въ другой ножъ, которымъ рѣзала его; лишь только услышала запахъ табаку, тарелка съ хлѣбомъ упала на полъ, а ножъ былъ пущенъ въ сторону, откуда исходилъ дымъ, но миновавъ меня вонзился на полвершка въ оконную раму. Очень многихъ крестьянъ я спрашивалъ, откуда взялась эта болѣзнь, исцѣляются-ли больные и т. д., но на всѣ мои вопросы получался одинъ отвѣтъ: „а Богъ его знаетъ“. Удивительно, что любознательный и умный Сибирякъ такъ индифферентно относится къ столь важному вопросу. А между тѣмъ тотъ же крестьянинъ на предложенные ему вопросы въ иной формѣ, даетъ столь удовлетворительные отвѣты, что можно безошибочно опредѣлить причины болѣзни. Дѣло въ томъ, что обращеніе свекрови съ снохами, въ большинствѣ случаевъ, въ высшей степени грубое, а иногда и жестокое; сноха зная, что кликушъ неругаютъ, небыютъ, а напротивъ того дѣлаютъ, чтобы избавиться отъ строгой свекрови сначала притворяется, постепенно входитъ въ свою роль, и наконецъ, нервы дѣлаются такъ послушными, что она дѣлается настоящею кликушею.

О двухснастныхъ можно сказать только то, что Сибирякъ придумалъ для нихъ особый

костюмъ, что то среднее между мужскимъ и женскимъ, такъ юбка недостаетъ колѣнъ, сапоги, пальто мужскаго покроя, а на головѣ платокъ; сколько я нистарался узнать происхожденіе этого костюма, получалъ одинъ отвѣтъ: „не нами это установлено“. Однажды остановившись на ночлегѣ въ крестьянской избѣ, слышу около 9 часовъ вечера раздался стукъ въ окно: „Дуняша вставай, становой пріѣхалъ“. Дуняша хотя возразила, что не ея очередь, тѣмъ неменѣе одѣлась и пошла отбывать свою повинность натурою.

На огромномъ пространствѣ отъ Тюмени до Томска какихъ только нѣтъ религіозныхъ сектъ, но Сибирякъ къ нимъ относится совершенно индеферентно, онъ привыкъ уважать чужія убѣжденія и ненавязываетъ своихъ никому. Духовенство раздѣляетъ эти взгляды и въ Сибири неслыханное дѣло, чтобы возникло какое либо судебное преслѣдованіе за распространеніе какой-бы то нибыло секты, за исключеніемъ скопчества. Отношеніе Сибиряка къ бродягамъ также гуманное, онъ арестантамъ даетъ подаваніе, а для бродягъ оставляетъ на ночь хлѣбъ и молоко, которые выставляются на особую полочку, прикрѣпленную надъ дверьми. Бродяга заходитъ спокойно во дворъ, со-

баки его знаютъ и небезпокоятъ, хлѣбъ кладетъ въ суму, а молоко выливаетъ въ туюсокъ (сосудъ изъ коры) и уходитъ. Если-же бродяга, недовольствуясь подаваніемъ, сдѣлаетъ какую-либо пакость, Сибирякъ садится на коня, догонитъ его и тутъ-же убьетъ изъ своей винтовки. Бродяги это знаютъ хорошо и остерегаются причинить добру крестьянина хотя-бы самый ничтожный вредъ.

20 Августа 1864 года, утромъ я выѣхалъ изъ послѣдней передъ Томскомъ почтовой станціи, незамѣтно доѣхалъ до переправы черезъ рѣку Томъ, но города невидно; переѣхавъ на поромѣ рѣку, и проѣхавъ около версты по берегу Томи, мой возница повернулъ на право; въ 4 или 5 верстахъ отъ поворота, стоятъ два громадные кирпичные столба, на одномъ изъ нихъ красуется гербъ г. Томска, а подъ нимъ 1604 годъ, то есть годъ основанія города; пришлось проѣхать еще версты двѣ, городъ сталъ виденъ; вотъ „пески“ съ мечетью, затѣмъ пожарная команда, городской театръ, городская больница и прямо въѣздъ на громадную площадь болѣе квадратной версты, на площади лютеранская кирка, на сѣверной сторонѣ площади красуется пять громадныхъ деревянныхъ корпусовъ казармъ 11 Западно-Си-

бирскаго Линейнаго баталіона. Ямщикъ спрашиваетъ куда вести; я до того былъ погруженъ въ свои думы, что неслышалъ вопроса и только когда ямщикъ остановилъ тройку, я очнулся и приказалъ ѣхать въ казарму. Въдмнѣ хотѣлось ближе познакомиться съ солдатомъ и его бытомъ, да и не зналъ я еще какъ приметъ меня Начальство. И такъ, я прибылъ на мѣсто отбыванія наказанія; спрашиваю дежурнаго по баталіону, представляюсь ему и узнаю, что я зачисленъ въ его роту; это былъ бравый фельдфебель, изъ образцоваго баталіона, Малютинъ; онъ самъ проводилъ меня въ роту и сдалъ дежурному унтеръ-офицеру, тотъ приказалъ снять мой багажъ и устроить мое логовище. Черезъ часъ я уже пилъ чай, и знакомился съ моими товарищами, затѣмъ появилась водка и закуска, все отдѣленіе пило за мое здоровье и поздравляло съ благополучнымъ пріѣздомъ. Вечеромъ побывалъ у меня и г. фельдфебель и тутъ-же приказалъ принести кровать, которую при немъ-же поставили въ переднемъ углу, а кровать унтеръ-офицера была поставлена на нары; я крайне конфузился, но унтеръ-офицеръ настоялъ на своемъ. Солдаты обращались ко мнѣ не иначе, какъ называя „бариномъ“. И вотъ, я въ центрѣ Сибири, на-

чинаю отбывать свое наказаніе, — я расхохотался. Унтеръ-офицеръ спрашиваетъ меня о причинѣ смѣха — я ему объясняю, онъ то-же хочеть и садится на мою кровать — завязывается дружеская бесѣда. Добрый капраль общаетъ мнѣ что у нихъ въ ротѣ есть тоже поляки, но изъ простыхъ, а одного взяли въ мастерскую, хорошій сапожникъ. Объ ротномъ Командирѣ онъ отозвался: „Душа человѣкъ нашъ Поручикъ Темновъ, зря не обидить человѣка“, затѣмъ узнавъ, что у меня нѣтъ форменнаго мундира и брюкъ, обѣщалъ завтра достать и хорошо пригнать; на сонъ грядущій мы еще вышили и закусили, и я уснулъ богатырскимъ сномъ.

На другой день я являлся баталіонному Командиру, старому боевому Кавказцу Полковнику Николаю Васильевичу Денисову, который принялъ меня стоя, непоздоровался со мною, кивнувъ головою сказалъ: „ну теперь отдыхайте, и если желаете, разрѣшаю жить не въ казармахъ, а на квартирѣ“; я отвѣчалъ: „покорнѣйше благодарю Ваше Высокоблагородіе. Суровый въ виду вояка улыбнулся, и сказалъ: „въ обращеніи со мною и офицерами не титулуйте“, затѣмъ подалъ руку, я повернулся на лѣво кругомъ и вышелъ. У двери кабине-

та меня меня поджидалъ старый заслуженный писарь Чекалинъ и спросилъ: „ну куда Васъ назначили“? я ему передалъ разговоръ мой съ Полковникомъ, Чекалинъ поморщился: „жаль! а я уже просилъ Адъютанта чтобы Васъ назначили ко мнѣ“, я увѣрилъ почтеннаго ветерана, что мнѣ вѣроятно скоро наскучитъ абсолютное бездѣйствіе и самъ явлюсь съ просьбой дать работу. Въ ротѣ я засталъ ротнаго командира Поручика Темнова, который увидѣвъ меня позвалъ въ ротную канцелярію. Тамъ я ему рассказалъ о своей аудіенціи у командира Баталіона, онъ улыбнулся и предложилъ мнѣ стулъ, а затѣмъ нѣсколько вопросовъ: гдѣ я учился, какъ слѣдовалъ, затѣмъ пригласилъ къ себѣ, говоря что у него много книгъ, наконецъ сказалъ „а я хотѣлъ пригласить Васъ поселиться у меня, но въ виду Вашего желанія познакомить-ся съ солдатомъ, прошу, чтобы Вы своими впечатлѣніями дѣлились со мною“; конечно я общалъ. Вслѣдъ за уходомъ ротнаго командира фельдфебель прислалъ солдата сказать, что-бы я приходилъ обѣдать къ нему. Что это сонъ или на яву? я положительно терялся и конфузился при всякой любезности моихъ сослуживцевъ. Въ 12 часовъ опять является фельдфебельскій камчадалъ, такъ звали въ

путку вѣстовыхъ въ фельдфебельской комнатѣ, и говорить „пожалуйте баринъ обѣдать“. Иду за нимъ. Фельдфебель съ укоризною спрашиваетъ почему я непереодѣлся. Передъ обѣдомъ, фельдфебель представилъ меня Анфизѣ Исаевнѣ Шмаковой, усѣвшейся также за столъ, была подана водка и закуска, состоявшая изъ осетрины и грибовъ. Фельдфебель, наливая вторично рюмки, объяснилъ мнѣ, что только деньщики закусываютъ послѣ первой рюмки; за рюмочкой дошло до пяти, во имя пяти ранъ Спасителя, но отъ шестой я отказался; подали казенные щи жирные, вкусные, затѣмъ гречневую кашу съ масломъ. Анфиза Исаевна вынесла изъ спальни сладкій пирогъ, къ которому подали два сорта наливки; какъ видите обѣдъ недурной, но фельдфебель досадовалъ, что, изъ доставленнаго подрядчикомъ мяса, нельзя было выбрать подходящаго куска на жаркое. Въ 9½ часовъ вечера я такъ же былъ приглашенъ къ ужину и это повторялось, до самаго моего отъѣзда изъ Томска.

Въ теченіе недѣли я никуда не выходилъ изъ казармы—наблюдалъ, расспрашивалъ и записывалъ, въ концѣ недѣли просмотрѣлъ записи и бросилъ ее въ огонь; я слышалъ, что многіе ведутъ свой дневникъ и удивлялся

чѣмъ его заполняютъ при той убійственной рутинѣ, какая царила въ жизни баталіона. Возьмемъ для примѣра 3 роту, въ которой я числился: въ день моего пріѣзда она смѣнилась съ караула, на другой день была въ конвоѣ, а на 3-й были занятія и рота назначалась на случай пожара, и опять тоже самое, или на примѣръ отдѣленный ефрейторъ ежедневно, послѣ зари, обращался къ своему отдѣленію со словами:—смирно! тишина и спокойствіе по... неругаться, въ ночное время изъ казармъ неотлучаться“, затѣмъ идетъ краткое сообщеніе, куда завтра рота должна идти: въ караулъ, въ конвой и т. д. На пятые сутки, мнѣ эта процедура до того надоѣла, что лишь только ефрейторъ возвращался отъ фельдфебеля, я выходилъ изъ комнаты. Въ ближайшее воскресенье пошелъ я въ костель, гдѣ встрѣтилъ массу знакомыхъ; отъ нихъ я узналъ что въ числѣ сосланныхъ болѣе сотни ксендзовъ, а такъ какъ католическое духовенство обязано ежедневно служить мессу, то служба идетъ непрерывно съ 8 часовъ утра до часу дня. Я обождалъ окончанія мессы и увидалъ монаха Капуцина, который своимъ одѣяніемъ, особенно громадною рыжею бородою, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Съ понедѣльника,

я началъ визитировать и по цѣлымъ днямъ не-
являлся въ казармы, познакомился и съ нѣсколь-
кими Сибиряками, — все это люди образованные,
гостепріимные, рассказывали многое о томъ
нравственномъ вліяніи, какое имѣли на нихъ
Декабристы. Въ числѣ новыхъ моихъ знако-
мыхъ было не мало людей досужихъ и мы ус-
тановили очередь, гдѣ собираться для игры
въ преферансъ. Какъ раньше упомянулъ, въ
Сибири все грандіозно и мы вѣроятно подъ
этимъ вліяніемъ затѣвали пульки отъ 1000 и
строго соблюдая сибирскіе обычаи, ставили,
кромѣ ломбернаго стола, еще четыре столика.
На каждомъ изъ нихъ красовалась четвертная
бутылъ водки и соленая закуска; кто карты
сдавалъ тотъ пилъ и закусывалъ. Къ концу
игры бутылки почти пустѣли, а за ужиномъ, со-
стоящимъ изъ однихъ только пельменіевъ, вы-
пивалась и остальная водка. Пусть не подума-
етъ читатель, что это шутка, или неумѣстное
хвастовство, — я зналъ людей, которые въ те-
ченіе, сутокъ выпивали гораздо болѣе четверти
ведра, если же принять во вниманіе что мы
садились за карты въ 3 или 4 ч. по полудни, а
то и позже, то понятно, что въ теченіе 9 час.
можно выпить четверть водки; за ужиномъ съѣ-
далось, каждымъ изъ насъ, не менѣе 200 пель-

меньевъ. Пельмени въ Сибири готовятъ очень вкусно и подаются на столъ въ огромныхъ мискахъ, а въ особыхъ чашкахъ ставится свѣжее молоко и уксусъ, каждому предоставляется по выбору пельмени мочить въ молоко, или уксусъ. Сибирячки неимѣютъ себѣ равныхъ по ловкости, съ какою одна женщина можетъ приготовить вечеромъ болѣе 1000 пельменевъ. Чрезъ мѣсяцъ, при встрѣчѣ съ фельдфебелемъ, я узналъ, что Анфиза Исаевна нѣсколько разъ приготовляла пельмени, и ужасно досадовала, что я ровно канулъ въ воду. Мнѣ надоѣла такая безобразная жизнь, и я рѣшилъ прекратить игру, такъ какъ шли приготовленія къ приему новобранцевъ, а это цѣлое событіе, но прежде всего, я постарался узнать объ отношеніяхъ Анфизы Исаевны къ моему начальству. Оказалось, что признакомъ добраго тона служить стараніе истой Сибирячки приобрести себѣ друга изъ сыновъ Марса. Сибирячка, пріискавъ себѣ подходящаго молодца, кормить его, обуваетъ, одѣваетъ, бѣлье его стираетъ, водку покупаетъ, а за все это избранникъ ея сердца долженъ помнить о днѣ ея Ангела и сдѣлать ей подарокъ хотя бы на деньги, данныя дружку на канунъ именинъ, при чемъ, всѣ капризы, даже побои пе-

реносятся безъ малѣйшаго протеста. Анфиза Исаевна пользовалась особымъ почетомъ: потому что была дама обходительная и понравилась красавцу высокому стройному, и въ добавокъ, побывавшему въ образцовомъ баталіонѣ, и ротный командиръ всегда съ нею здоровался, дозволялъ ей въ его присутствіи находиться за перегородкою, отдѣлявшею ротную канцелярію отъ спальни фельдфебеля. Я неимѣлъ никакого основанія избѣгать Анфизы Исаевны, и даже купилъ, собственно для нея, бутылку „обленихи“ то есть наливки, приготовляемой изъ ягодъ кустарника, произрастающаго въ Алтайскихъ горахъ. Приготовленная изъ этихъ ягодъ наливка очень вкусна, продается по 2 руб. за бутылку, и вся расходуется на мѣстѣ. Анфиза Исаевна чрезвычайно обрадовалась подарку, при чемъ выразила свое удивленіе, что это значитъ, когда она не именинница. Съ тѣхъ поръ, Анфиза Исаевна стала стирать мое бѣлье и заявила, что будетъ очень оскорблена, если я прибѣгну къ услугамъ какой либо негодной прачки. Иногда фельдфебель приглашалъ къ своему столу старичка, жившаго въ его ротѣ, отставного унтеръ-офицера, бывшаго учителя въ школѣ контонистовъ, Дорофея Ивановича Карбышева; по упраздненіи въ Том-

скѣ школы контонистовъ, Карбышевъ былъ уволенъ въ отставку, непріобрѣвъ никакихъ правъ на пенсію, или пособіе, не зная никакого ремесла; ему оставалось только втереться въ какую либо канцелярію, но такъ какъ онъ былъ профессиональнымъ пьяницей, то счелъ за лучшее воспользоваться даровою квартирою и столомъ въ казармѣ и за это заниматься въ ротной канцеляріи. Кромѣ случайнаго заработка за прошенія, онъ занимался писаніемъ солдатскихъ писемъ, и вотъ къ предстоящему прибытію рекрутовъ, заготовилъ около сотни писемъ, оставивъ лишь пустыми мѣста для вписыванія именъ предполагаемой родни рекрута; эта профессія давала ему нѣсколько рублей. Я былъ очевидцемъ, какъ пускались въ ходъ готовыя письма, рекруту оставалось только называть имена своихъ родныхъ, а если у кого либо не оказывалось столько родни, сколько было оставлено мѣстъ, то Карбышевъ обыкновенно ругался, и имена вставлялъ по своему усмотрѣнію. Карбышевъ былъ очень полезенъ для ротныхъ канцелярій, и никто въ баталіонѣ не называлъ его иначе, какъ попросту дядькою. Анфиза Исаевна усердно насъ угощала и возмущалась, что жаркое, по ея недосмотру немного пригорѣло.

Съ 1856 по 1863 г. не было рекрутскихъ наборовъ; два первые набора 1863 г. дали массу наемщиковъ, а въ наборъ 1865 г. число ихъ значительно уменьшилось, и цѣна на нихъ упала до 25 и даже 10 руб., а прежде то наемщикъ стоилъ и болѣе 1000 рублей. Съ начала Октября открылось рекрутское Присутствіе, начинался пріемъ рекрутовъ; крестьяне особенно сѣѣли съ наемщиками; каждый лишній день въ городѣ стоилъ имъ громадныхъ денегъ, нужно было платить за все: кутежи и безобразія наемщиковъ, и исполнять всѣ ихъ прихоти; такъ старовѣръ закуривалъ трубку для своего наемщика, другой наемщикъ вѣзжалъ въ кабакъ не иначе какъ на спинѣ нанимателя, и т. д. Принятыхъ наемщиковъ сейчасъ-же по одиночкѣ сдвали въ баталіонъ. Солдаты встрѣчали ихъ насмѣшками, именую: „наемною шкурою, кантонистомъ богатаго мужика“ и т. д. а дядьки немилосердно ихъ колотили за малѣйшій проступокъ и даже отъ нечего дѣлать, однимъ словомъ нелегко было житье наемщика, нужно было водкою откупаться, пока деньги, полученные отъ хозяина, не истратились до копѣйки.

Въ Декабрѣ начались приготовленія къ праздничнымъ развлеченіямъ, особенно усердно

разучивались роли для постановки „Царя Максимилиана“. Кто авторъ этого геніальнаго произведенія и когда своимъ появленіемъ оно обогатило всемірную литературу, никто не знаетъ. Роли разучивались по рукописи; взялъ я одну изъ нихъ читать, читалъ и ровно ничего не понималъ, какой то наборъ словъ и только; эти разучиванія ролей въ слухъ ужасно мнѣ надоѣли, и я опять сдѣлалъ экскурсію къ знакомымъ, и просилъ евреитора сообщить мнѣ о днѣ спектакля. Въ назначенный для спектакля день, я съ утра сидѣлъ въ казармѣ и любовался тѣмъ необыкновеннымъ оживленіемъ какое видѣлось всюду, актеры все еще повторяли свои роли, декораторы устраивали сцену, режиссеръ отдавалъ поминутно свои приказанія, и не замѣтно наступили сумерки, а вслѣдъ за тѣмъ началось представленіе. Почетныя мѣста занимали фельдфебель, Анфиза Исаевна и я, у стѣнки прислонился Дорофей Ивановичъ. Я никакъ не могъ себѣ уяснить смысла пьесы, клонило ко сну, какъ вдругъ актеръ громовымъ голосомъ произноситъ: „возьму сію шапку и сразу ею, показывая на оную въ скобкахъ“; ея просто ахнулъ отъ удивленія, но фельдфебель внимательно слѣдившій за пьесою похвалилъ актера, и опять слышу „хе, хе,

смѣется онъ и еще смѣется хе, хе и уходитъ въ скбкахъ“. Я всталъ и удалился изъ театра. Поздно ночью когда я былъ уже въ постели фельдфебель прислалъ замною приглашая на ужинъ. Хотя ѣсть нехотѣлось, я все—таки пошелъ; на этотъ разъ къ ужину были приглашены и два лучшихъ актера, которыхъ угощала Анфиза Исаевна; я молчалъ, но когда фельдфебель, обращаясь ко мнѣ, спросилъ понравилось ли мнѣ, я рѣшительно не зналъ, что отвѣтить; фельдфебель увѣрялъ, что его актеры нехуже столичныхъ; я лишь спросилъ былъ ли онъ на какомъ либо иномъ не солдатскомъ спектаклѣ; онъ добродушно отвѣтилъ „а зачѣмъ мнѣ“. На этомъ нашъ разговоръ прекратился. Больше я въ театръ не пошелъ. Въ первыхъ числахъ января я пожелалъ побывать въ караулѣ и попалъ на главную гаубтвахту, изъ которой два поста при ефрейторѣ охраняли Губернское Казначейство. Мнѣ хотѣлось прочесть фигурировавшій тамъ приказъ Командира Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса Гасфордта. Дѣйствительно у нижней кладовой значится на стѣнѣ какая то бумага, вывѣтная до того, что невозможно прочесть ни единого слова; послѣ смѣны съ караула я узналъ, что въ 40-хъ годахъ случилось слѣдую-

щее: въ одну изъ зимнихъ ночей ефрейторъ, приведя смѣну, увидалъ часового въ полулежащемъ положеніи; наружная дверь, ведущая во дворъ, была заперта часовымъ, слѣдовательно посторонній человѣкъ немогъ туда проникнуть, такъ какъ послѣ 9 часовъ и смѣна приходитъ съ верху. Ефрейторъ подходитъ ближе и въ ужасѣ отскакиваетъ—часовой убитъ. Дали знать дежурному по карауламъ, Губернатору, и всѣмъ членамъ комиссіи, на обязанности которой лежало ежемѣсячно свидѣтельствовать кассу. Коммисія, удостовѣривъ, что печати и замки цѣлы, хотѣла развѣхаться, но по требованію Казначей были открыты двери кладовой—всѣ ящики цѣлы, одинъ, впрочемъ, былъ открытъ и оказался пустымъ; тогда приступили къ повѣркѣ,—похищено всего кредитными билетами болѣе 300.000 руб. По существовавшему тогда закону казначей подлежалъ суду, а 300.000 руб. должны уплатить члены Коммиссіи. Полицмейстеру, недавно назначенному на эту должность, пришлось очень жутко, и онъ просилъ, чтобы ему было разрѣшено произвести розыскъ. Само собою разумѣется, что всѣ согласились, хотя никто не вѣрилъ въ возможность успѣха. И вотъ зачисляется въ 4 роту рядовой, переведенный на службу изъ N

полка, расположеннаго за Ураломъ. Рядовой этотъ грамотный, а между тѣмъ неберутъ въ канцелярію; онъ все записываетъ что то и очень часто заходитъ къ фельдфебелю. При каждомъ его появленіи всѣ присутствующіе удаляются изъ ротной канцеляріи. О чемъ они говорятъ никто ничего не знаетъ.—Черезъ три мѣсяца рядовой куда то исчезъ и болѣе въ роту не возвращался, отдѣленнаго же ефрейтора и его любовницу посадили въ секретныя камеры; нѣсколько дней производятся подъ наблюденіемъ полиціи роскопки, а выкопанныя бутылки сейчасъ укладываютъ въ ящикъ, который самъ Полицмейстеръ запираетъ въ ящикъ, охраняемый двумя часовыми. Ящикъ съ бутылками подъ усиленнымъ конвоемъ отвезли въ казначейство. Полицмейстеръ торжествуетъ—всѣ деньги, за исключеніемъ 10 руб., найдены, но эти 10 руб. тутъ же заплатилъ Губернаторъ. Поскакалъ въ Омскъ курьеръ съ донесеніемъ о розысканіи 300.000 руб. и ходатайствомъ о награжденіи Полицмейстера орденомъ Святого Владимира 4 степ. По полученіи этого донесенія воспослѣдовалъ приказъ: то мѣсто на стѣнѣ, гдѣ осталась часть мозговъ часового, незакрашивать, приказъ вывѣсить тутъ же, а дежурнымъ по карауламъ вмѣня-

лось въ обязанность передъ занятіемъ постовъ читать караульной командѣ этотъ приказъ; но съ теченіемъ времени объ этомъ приказѣ забыли и, когда я пошелъ въ караулъ, то приказа не читали. — Отдѣленный ефрейторъ, подмѣтивъ мою любознательность, какъ то спросилъ, не желаю ли я сходить въ караулъ въ тюрьму; я согласился и потомъ узналъ, что онъ устроилъ для меня сюрпризъ. На одномъ изъ постовъ часового еврея смѣнялъ еврей. Ефрейторъ командовалъ: „на часы маршъ, стой, сдачу давай“; солдатъ послѣ этихъ словъ отчеканилъ на еврейскомъ жаргонѣ: „нетлюфень, недреманъ, тобакесь не трехенсь, офицеръ мить унтеръ-офицеръ честь табекесь“; я эти слова по возвращеніи изъ караула записалъ. Зима 1864 года была ужасна. Въ октябрѣ рѣка Томъ стала, установился санный путь, разсвѣтало въ началѣ 9-го, сумерки съ 2-хъ часовъ, по ночамъ деревянные дома давали трещины до того оглушительные, что слышалось на огромномъ разстояніи; случай отмороженія лица, ушей, рукъ и особенно ногъ были ежедневно. Въ караулъ позволяли надѣвать шубы, теплыя шапки; стоянка на часахъ продолжалась два часа, а по ночамъ — часъ; но погода была ясная, и только съ половины января пошли страшныя

матели,—по дорогамъ ухабы и наносы, сообщенія становились все труднѣе. Подошла Пасха, а снѣгъ лежитъ, а вотъ и 1-я мая; лишь кое гдѣ лежалъ снѣгъ,—листья разворачивались на глазахъ зрителя, а июнь и июль считаются уже лѣтомъ. Сейчасъ послѣ Пасхи пришлось мнѣ быть очевидцемъ весьма непріятной церемоніи исполненія одиннадцати судебныхъ приговоровъ надъ нижними чинами. Передъ разводомъ изъ баталіонной канцеляріи присылаютъ дежурному по карауламъ тѣ приговоры, которые должны быть исполнены, а изъ гаубтвахты приводятъ осужденныхъ. Моему ротному Командиру приходилось быть палачемъ,—такъ онъ самъ называлъ свою роль. Первая конфирмація была надъ рядовымъ 1 роты нашего баталіона—Иваномъ Ступниковымъ; онъ за покушеніе на самоубійство приговоренъ былъ къ 50 ударамъ розгами и церковному покаянію.—Лишь только началось сѣченіе, я вышелъ изъ манежа, и затѣмъ тоже самое сдѣлалъ ротный. По возвращеніи ротнаго я его спрашиваю, на какомъ основаніи Судъ постановилъ рѣшеніе подобное; вѣдь у бѣднаго солдата это единственная собственность, которою, я полагаю, онъ воленъ распорядиться по своему усмотрѣнію.—Ротный тяжело вздохнулъ

и, передавая мнѣ исполненныя имъ конфирмаціи, сказалъ: „возьмите и полюбуйте, за что казнять солдата“; я сталъ внимательно читать: рядовой N за покушеніе на кражу наказанъ 50 розгами съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ; рядовой N за пьянство и промотаніе казенныхъ сапогъ къ таковому же наказанію, рядовой N за первый изъ службы побѣгъ и растрату казенныхъ вещей—150 розогъ и переводъ въ разрядъ штрафованныхъ и т. д. Да, правду мнѣ говорили солдаты въ день моего прибытія въ Томскъ. Темновъ—человѣкъ а не...

Ротный скоро вернулся, забралъ конфирмаціи и сказалъ мнѣ: „сегодня я ужасно разстроенъ, а завтра приходите ко мнѣ на чай.“— Я былъ не менѣе его разстроенъ и взволнованъ. Въ 11 ч. я, и самъ незнаю зачѣмъ, пошелъ въ Комиссію военнаго Суда. Аудиторъ Афанасій Антоновичъ Шевелевъ былъ знакомъ и встрѣтилъ меня говоря: „а хорошо, что пришли; у меня масса работы, помогите.“ „Съ удовольствіемъ, только не сегодня“. Аудиторъ замѣтивъ, что я разстроенъ, спросилъ о причинѣ. Я ему рассказалъ объ утреннихъ впечатлѣніяхъ; онъ улыбнувшись замѣтилъ: „это что, вотъ если хоть мѣсяцъ у меня позанимаетесь, я

познакомлю Васъ съ пикантными дѣлами и бѣгло-каторжными, которыхъ судимъ военнымъ судомъ“.—Въ комиссію привели арестантовъ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ; я попрощался съ любезнымъ Афанасіемъ Антоновичемъ и вышелъ.—И такъ, съ завтрашняго числа поступаю въ распоряженіе писаря, котораго съ гоноромъ зовутъ Аудиторомъ. И вспомнилась тюрьма, маленькій Аудиторскій писарь и фигура Аудитора, такъ и напоминающая Держиморду Гоголевскаго. Но Афанасій Антоновичъ не подходилъ на типичныхъ „эшафотныхъ чиновниковъ,“—это былъ острякъ и весельчакъ, на службу смотрѣлъ, какъ на источникъ безбѣднаго существованія и только; онъ скрѣпя сердце строчилъ свои приговоры. Вся семья Шевелевыхъ пользовалась въ Томскѣ большою популярностью, а брата его Ивана, Казначея нашего баталіона, въ шутку называли въ городѣ вольнодумцемъ. Въ настоящее время этотъ вольнодумецъ Генераль-Маіоръ и занимаетъ должность Окружнаго Интенданта финляндскаго военного Округа.

На другой день рано утромъ я уже былъ въ комиссіи и въ ожиданіи Аудитора, просматривалъ дѣла, повидимому взятые изъ архива. Первое дѣло было о

бѣглокаторжномъ, непомнящемъ родства, второе—объ убійствѣ арестантомъ Н двухъ арестантовъ, украшихъ у него вошь. Я сразу догадался, что это любезный Афанасій Антоновичъ приготовилъ для меня.—Скоро пришелъ и Афанасій Антоновичъ.. Ну что, уже читаете? а вѣдь не сказка, выдуманная Гоголемъ, а святая истина; читайте и будемъ болтать, а то ужасная скука; презусъ и члены бываютъ одинъ разъ въ недѣлю, но это скучный народъ, а я съ Вами буду развлекаться и успѣшнѣе работать“. Я поблагодарилъ его и все просилъ дать работу, потому что я просто умиралъ отъ скуки. Время для занятій прошло незамѣтно; я, смотря на Афанасія Антоновича, просто любовался, видя его неутомимую разумную и полезную дѣятельность, а также опытъ. Это былъ живой архивъ, въ которомъ безъ справокъ отыскивалась нужная статья закона, или департаментское разъясненіе. Командиръ баталіона, узнавъ, что я занимаюсь въ комиссіи, смѣялся надъ старикомъ Чекалинымъ.. ну что брать, прозѣваль? Подъ руководствомъ такого юриста, какъ Афанасій Антоновичъ, я очень скоро и основательно познакомился со сводомъ В. П. и Уложеніемъ о наказаніяхъ. Не разъ въ жизни пришлось благоговѣнно вспоминать моего

учителя, съ которымъ недолго суждено было заниматься. Въ 1865 году вводилось новое положеніе о военныхъ Округахъ; Николай Васильевичъ Денисовъ былъ назначенъ Губернскимъ воинскимъ начальникомъ, а Поручикъ Шевелевъ правителемъ его канцеляріи. 11 баталіонъ былъ переименованъ въ Томскій Губернскій, а я, по настоянію того же Чекалина, 29 августа 1865 г. былъ переведенъ младшимъ писаремъ въ Управление Губернскаго воинскаго начальника.

Дѣла, о которыхъ я упомянулъ выше, несложны: непомнящему родства всыпали 100 плетей и послали въ безсрочную каторгу; онъ упорно запирался, что никогда не былъ въ каторгѣ и не наказывался шпирудинами, но его уличили во лжи. По приказанію Афанасія Антоновича были поданы мокрая губка и красное сукно. Арестанту смочили спину губкою и лишь стали натирать краснымъ сукномъ, ясно обрисовались удары, нанесенные ему при проходѣ сквозь строй; дальше нельзя уже было запирается, но все таки арестантъ неоткрылъ своей настоящей фамиліи. Другое дѣло, объ убійствѣ, болѣе интересно; арестантъ чистосердечно разсказалъ, какъ онъ, скучая въ острогѣ, устраивалъ игру, состоящую въ томъ, что на

гладкой чистой доскѣ вычерчивался кругъ, а отъ центра его проводились радіусы къ окружности. Участники игры прежде всего дѣлали денежные ставки, затѣмъ доставали изъ за воротника рубахи своихъ бѣгуновъ и держали ихъ наготовѣ. Майданщикъ, освѣдомившись, что все готово, медленно произносилъ: разъ, два, три, руки долой,—и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за своими бѣгунами; майданщикъ рѣшаетъ, чья вошь побѣдила, и всѣ ставки переходятъ къ счастливому спортсмену. Черезъ два дня всѣ арестантскія сбереженія перешли въ карманъ побѣдителя, котораго со всѣхъ сторонъ осаждали вопросами—откуда онъ досталъ такого крупнаго звѣря, чѣмъ кормилъ и т. д., а затѣмъ составилъ противъ него заговоръ: арестанта напоили до положенія ризъ, и вошь перешла къ его сосѣду.—Арестантъ жаловался начальству, умолялъ возвратить ему эту драгоценность и, недобившись ничего, ночью убилъ двухъ виновниковъ своего несчастья.—Въ ту же ночь его перевели въ секретную, а черезъ недѣлю состоялся приговоръ: убійцу наказать 100 ударами плети, сослать въ каторжныя работы безъ срока, при чемъ 20 лѣтъ содержать въ разрядѣ испытуемыхъ, а 5 лѣтъ прикованнымъ къ тачкѣ.

Попадалось множество другихъ дѣлъ о кощунствѣ, святотатствѣ, мужеловствѣ, скот оловствѣ и т. д., но они не представляютъ ровно никакого интереса.

И такъ, я получилъ первое по службѣ повышеніе, которое выразилось въ перемѣнѣ формы обмундированія и увеличеніи оклада жалованья, но Полковникъ Денисовъ немедленно получилъ два протеста отъ Томскаго жандармскаго Штаба офицера и Начальника Штаба Западно-Сибирскаго Военнаго Округа, который требовалъ, чтобы согласно закона я служилъ въ строю, а не въ Канцеляріи. Невезетъ. 12 января 1866 г. я былъ переведенъ въ ту же роту, въ которой числился. Пріѣхалъ новый баталіонный Командиръ Маіоръ Шильдтъ. Принимая баталіонное имущество и капиталы, весьма внимательно разсматривалъ отчетность за прежнее время, и въ результатѣ оказалось, что Шильдтъ претендуетъ на полученіе съ полковника Денисова еще около 5.000 руб. Завязалась переписка; пріѣхалъ изъ Омска Полковникъ Генеральнаго Штаба производить дознаніе.—Стороны остались при своемъ, и командированный для примиренія враждовавшихъ уѣхалъ, недобившись ровно ничего; и вотъ пошли пикировки и пререканія, и никто

немогъ предвидѣть, что этотъ споръ кончится весьма печальною развязкою. Поговорка гласитъ: паны дерутся, а у мужиковъ губы трясутся; такъ и тутъ—Шильдтъ придирался къ Управленскимъ писарямъ за неотданіе чести и однажды арестовалъ писаря, за что получилъ выговоръ; всѣмъ какъ то было жутко и непріятно. Однажды дежурный по карауламъ доложилъ Губернскому Военскому Начальнику о страшной находкѣ — объѣзжая караулы за городомъ около кладбища стояли сани безъ лошади и кучера; дежурный по карауламъ заглядываетъ въ сани, а тамъ покойникъ. Городскія санки дежурнаго буксировали сани съ покойникомъ до пороховыхъ погребовъ, гдѣ и былъ временно водворенъ покойникъ. О чрезвычайномъ происшествіи было сообщено Губернатору; въ ту же ночь оказалось, что изъ одной подгородной деревушки привезли покойника, чтобы купить гробъ. Возница остановился на постояломъ дворѣ, а сани остались на улицѣ;—два конные солдата, схвативъ оглобли, увезли сани, предполагая что въ нихъ рыба, и за чертою городскою, увидавъ свою ошибку, бросили сани. Содержателемъ постоялаго двора было заявлено полиціи о пропажѣ покойника; пошли розыски, и на другой день Полицмейстеръ до-

ложилъ о небываломъ въ его практикѣ происшествіи. Губернаторъ, выслушавъ докладъ и передавая полученный имъ отзывъ воинскаго начальника, сказалъ: „а я покойника нашелъ“. Опять досталось Маіору Шильдту за слабый надзоръ за нижними чинами. Раннею весною Полковникъ Денисовъ, инспектируя баталіонъ, обнаружилъ недостачу суммъ и донесъ объ этомъ. Пріѣхалъ военный слѣдователь, началось слѣдствіе, повлекшее за собою отрѣшеніе отъ должности Командира баталіона. Теперь Шильдтъ искалъ только случая, какъ бы отомстить, и случай этотъ представился очень скоро, но прежде чѣмъ описать его долженъ коснуться исторіи одного субъекта, бывшего орудіемъ мести. Въ Томскѣ проживалъ субъектъ, титуловавшій себя Графомъ Разумовскимъ. Когда поселился онъ въ Томскѣ-никто не знаетъ. Многіе его считали сумасшедшимъ, и дѣйствительно, поступки его были очень странны. Въ каждый Высочайшій день онъ присутствовалъ на молебнѣ и парадѣ, увѣшанный бумажными орденами 1-й степени, и вслѣдъ за Командиромъ баталіона поздравлялъ своихъ солдатюшекъ. — Очень часто самозванный графъ посѣщалъ ротныя кухни и пробовалъ пищу. Если пища оказывалась

дурною, относилъ ее и лично вручалъ командиру съ просьбою отвѣдать и виновныхъ наказать. На Инспекторскихъ смотрахъ онъ тоже фигурировалъ; его знали и Начальникъ бригады Генералъ Масловскій, и Командующій войсками Округа Генералъ Дюгамель, и разрѣшали Разумовскаго покачать. Точно также поступилъ Полковникъ Денисовъ послѣ молебна бывшаго въ манежѣ послушаю избавленія АЛЕКСАНДРА II отъ покушенія Каракозова. Въ тотъ же день Шильдтъ послалъ доносъ Шефу Жандармовъ, объясняя поступокъ Денисова насмѣшкою надъ торжественнымъ моментомъ. Пріѣхалъ въ Томскъ Слѣдователь, допросилъ Денисова, поговорилъ съ мѣстнымъ Штабъ-офицеромъ корпуса Жандармовъ и уѣхалъ. Денисовъ поручилъ своему пріятелю въ Петербургѣ слѣдить за ходомъ дѣла; въ іюнѣ получилъ отъ пріятеля телеграмму, сжегъ ее и спокойно застрѣлился. Шильдтъ не хотѣлъ назначать парада, но бывший въ то время адъютантъ Командующаго войсками Полковникъ Вишневскій, который вступилъ временно въ и. д. Губернскаго воинскаго начальника, зная ненависть Шильдта къ Денисову, приказалъ Шильдту назначить парадъ. На похоронахъ присутствовало много народу; мнѣ удалось лишь

изъ окна казармы послать Николаю Васильевичу послѣднее прости.—И такъ Шильдтъ въ данномъ случаѣ примѣнилъ ученіе Лоіолы „цѣль оправдываетъ средства“.— Дѣло о растратѣ суммъ баталіона тянулось очень долго и кончилось ссылкой въ Восточную Сибирь Маіора Шильдта и бывшего казначея Поручика Патюкова. Невыносимо тяжело и грустно было смотрѣть на все это, и я порѣшилъ во чтобы нистало уѣхать изъ Томска, а для этого представлялся удобный случай. Въ Томскѣ ожидался новый Командующій войсками, Севастопольскій герой Хрущевъ. Во время инспекторскаго смотра я обратился къ Хрущеву съ просьбою о переводѣ въ полевые войска. Просьба моя была уважена, и въ тотъ же день было сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе; я легче вздохнулъ и всячески избѣгалъ встрѣчи съ Шильдтомъ. На канунѣ отъѣзда я побывалъ на кладбищѣ, чтобъ поклониться праху Николая Васильевича; затѣмъ сердечно попрощался съ своими сослуживцами и Анфизой Исаевой, которая напекла на дорогу чуть ли не пудъ пирожковъ. На срединѣ площади остановилъ меня чиновникъ земскаго Суда—„ахъ батюшки, чуть не опоздалъ, а вотъ Вамъ и мой подарочекъ,“ и у меня въ рукахъ очути-

лась какая то бумага; это было предложеніе давать мнѣ земскую подводу со взиманіемъ прогоновъ за четверть лошади. Спасибо этому доброму человѣку; однимъ словомъ всякъ какъ умѣлъ и могъ надѣлялъ меня въ дорогу. Только проѣхавъ нѣсколько станцій я очнулся отъ массы впечатлѣній, пережитыхъ мною въ послѣдній годъ моего пребыванія въ Томскѣ. Свѣжій воздухъ и дорожныя впечатлѣнія благотворно повліяли на меня; мой путь лежалъ на Барнаулъ и Семипалатинскъ. Дорогою я любовался охотою на барсуковъ, жиръ которыхъ даетъ немаловажный источникъ дохода, и почти незамѣтно доѣхалъ до Барнаула, гдѣ я остановился на нѣсколько дней для осмотра горно-промышленныхъ заведеній.

Чиновники въ Сибири—народъ типичный, совершенно подходящій къ описаніямъ Гоголя; всѣ безъ исключенія брѣютъ бороду и усы, нюхаютъ табакъ, носятъ форменную одежду, а въ канцеляріяхъ, когда отдыхаютъ, то перо закладываютъ за ухо. Всѣ они полуграмотны, въ смыслѣ составленія бумагъ, за то обладаютъ прекраснымъ почеркомъ; я съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомился за водочкою, до которой они очень падки; съ восторгомъ рассказываютъ о своихъ служебныхъ дѣлишкахъ. По

ихъ словамъ, младшій, обращаясь къ старшему, долженъ непременно говорить—Ваше Благородіе, Высокоблагородіе и т. д. по чинамъ. Посѣтители также должны обращаться къ чиновникамъ иначе, какъ громко и ясно произнося ихъ титулъ. Въ одной канцеляріи Секретарь, войдя въ комнату и слыша нестерпимый запахъ сивухи, обратился къ писцу съ вопросомъ: „что въ этомъ шкафу?“ Нерѣшенные дѣла Ваше Высокоблагородіе. Секретарь, заглянувъ въ шкафъ и увидѣвъ массу пустыхъ бутылокъ, грозно сказалъ: сейчасъ же рѣшить, и ушелъ. Одному только Полицмейстеру разрѣшалось носить бакенбарды, а если онъ изъ военныхъ, то и усы. Губернаторы зорко слѣдили за соблюденіемъ формы, и доставалось за малѣйшее отступленіе отъ нея. О Томскихъ Полицмейстерахъ я слышалъ просто невѣроятные рассказы. Такъ, однажды, какой то отставной раненный офицеръ, явившись къ Губернатору, потребовалъ для себя должность Полицмейстера. Такъ какъ въ силу существовавшего тогда Министерскаго распоряженія сей сынъ Марса имѣлъ неоспоримое на то право, то Полицмейстера причислили къ Губернскому Правленію, а въ его апартаментахъ водворился ветеранъ, кото-

рый ежедневно удѣлялъ не менѣе 3 часовъ на свой туалетъ: онъ красилъ свою бороду и усы. Вооружался костылемъ и перевязью для лѣвой раненной руки и объѣзжалъ городъ, а о благополучіи рапортовалъ Губернатору одинъ изъ его помощниковъ. Не долго онъ царствовалъ въ Томскѣ; все что то писалъ и посылалъ за именитыми горожанами, но никто изъ нихъ не являлся къ нему, а лишь посылалъ тайные пакеты со вложеніемъ. Затѣмъ Полицмейстеръ подалъ нѣсколько заявокъ и, получивъ свидѣтельства на право разработки золотыхъ приисковъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ усиленно хлопоталъ объ учрежденіи Акціонернаго Общества и, лишь только добился этого, сталъ продавать акціи. Нашлось много охотниковъ до легкой наживы, но одному, купившему десятокъ акцій, пришлось въ голову спросить по телеграфу Томскаго Губернатора о личности учредителя. Оказалось, выданныя ему свидѣтельства потеряли всякую силу, такъ какъ владѣлецъ ихъ въ теченіи 2 лѣтъ не приступилъ къ разработкѣ. Явилась на сцену полиція, которая захватила авантюриста, собиравшагося укатить за границу; нашли у него множество видовъ на жительство и заграничный паспортъ. Въ тюрьмѣ, куда заключили авантюриста, ми-

мо него проходилъ бѣгло каторжный и, заглянувъ въ оконцѣ, сталъ узнавать фамилію заключеннаго. Арестанта опросилъ слѣдователь, сдѣлалъ очную ставку, и оказалось, что бывшій Полицмейстеръ — бѣглокаторжникъ. — Въ Сибири самозванство процвѣтало: одинъ писарь Корпуснаго Штаба въ Генераль-Адъютантскомъ мундирѣ инспектировалъ войска и, собравъ порядочную сумму, бѣжалъ. Въ числѣ моихъ знакомыхъ былъ чиновникъ духовной Консистеріи, человѣкъ образованный и любознательный. Однажды онъ предложилъ мнѣ познакомиться съ отчетами миссіонеровъ. Въ Сибири званіе миссіонера могъ получить всякій священникъ, изъявившій желаніе просвѣщать инородцевъ. По берегамъ Сибирскихъ рѣкъ во многихъ мѣстахъ красуются большіе деревянные дома, въ которыхъ помѣщались домовая церковь и причтъ. Миссіонеры дѣйствовали по собственному усмотрѣнію, и вся дѣятельность повѣрялась и оцѣнивалась по годовымъ отчетамъ, дающимъ лишь цифры о числѣ вновь крещенныхъ инородцевъ. Изъ объясненій Миссіонеровъ было извѣстно, что эти христіане обязательно исполняли обрядъ говѣнія, въ очень рѣдкихъ случаяхъ совершали обрядъ вѣнчанія, но никогда не при-

глашали Священниковъ на похороны.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Томска носился слухъ о помилованіи, находившагося въ ссылкѣ въ Енисейской губерніи, отца Комисарова - Костромскаго. Объ этомъ субъектѣ рассказывали многое: такъ, напримѣръ, самъ Губернаторъ ему на мѣстѣ его жительства объявилъ о помилованіи; затѣмъ Камисаровъ, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій, былъ доставленъ въ Красноярскъ, гдѣ на счетъ общества экипировался и уже на почтовыхъ поѣхалъ далѣе, подаривъ жителямъ Красноярска свой портретъ. Въ Томскѣ онъ недолго гостилъ — очевидно пріемъ, ему оказанный, далеко непоходилъ на Красноярскія торжества. Въ заключеніе говорили, что Енисейская Контрольная Палата начала на Губернатора болѣе 800 руб. за прогоны израсходованные и особенно за телеграммы, которыми Губернаторъ обмѣнивался съ министерствомъ, и что начеть утвержденъ и обращенъ къ исполненію.

Также передъ моимъ отъѣздомъ усиленно толковали о ВЫСОЧАЙШЕМЪ рескриптѣ на имя Предсѣдателя коммитета Министровъ Князя Гагарина и возможныхъ его послѣдствіяхъ; очевидно о Столицѣ Сибиряки были хорошо

освѣдомленны, такъ какъ о введеніи въ гимназіяхъ классической системы преподаванія и о реформѣ Университета говорили, какъ о совершившихся фактахъ.

Закаленный въ борьбѣ съ природою Сибирякъ сознаетъ всю безцѣльность полиціи и сложной административной машины, но въ то же время, видя, что чиновники не могутъ существовать на просто нищенскіе оклады получаемого ими содержанія, добровольно по собственному почину помогаетъ имъ, но такъ, чтобы лѣвая рука не знала что дѣлаетъ правая; но разъ эта мелюзга попробуетъ втереться къ нему въ качествѣ гостя, или вмѣшаться въ его личныя дѣла, онъ съ презрѣніемъ отвернется отъ нахала. Особенность въ характерѣ Сибиряка—удивительная скромность и отзывчивость на всякое доброе дѣло. Онъ охотно жертвуетъ милліоны, но не любитъ, чтобы праздный людъ курилъ ему фиміамъ; такъ, милліонеръ Асташевъ устроилъ въ Томскѣ пріютъ для 300 бездомныхъ сиротъ дѣвочекъ; каждая изъ призрѣваемыхъ получаетъ прекрасное воспитаніе, а при выходѣ замужъ—приличное приданое. Содержаніе пріюта обходится ежегодно десятки тысячъ рублей. Но Асташевъ несогласился пріютъ назвать Аста-

шевскимъ, а также повѣсить его портретъ, а дѣйствительной суммы расходовъ никто не знаетъ. Никакихъ приходо-расходныхъ книгъ нѣтъ. Разъ въ недѣлю является довѣренный Асташева освѣдомиться о нуждахъ пріюта, запишетъ и уходить: кто доставляетъ пріюту все необходимое—никто не знаетъ; подводы, нагруженные всякимъ добромъ, въѣзжаютъ во дворъ, сваливаютъ подъ навѣсомъ привезенное добро и уѣзжаютъ, не требуя ни квитанціи, ни росписки. Асташевъ велъ замкнутую жизнь; въ своемъ дворцѣ принималъ только Губернатора и Архіерея. Никто никогда не видѣлъ его на улицѣ, или въ какомъ либо общественномъ мѣстѣ. Просители оставляли у дворника свои челобитныя; кто и когда удостоверялся о степени нужды просителя—никто не зналъ, но разъ только проситель дѣйствительно нуждался, получалъ щедрую помощь. А вотъ еще фактъ: одно время въ городѣ свирѣпствовали страшные пожары, и вотъ въ одинъ прекрасный день привозятъ въ Томскъ какого то гиганта, прикрытаго брезентомъ. Машина останавливается на берегу рѣки Ушайки, притока Томи. За машиною слѣдуютъ въ удобномъ тарантасѣ два человѣка—машинистъ и механикъ; они изъ портфеля вынимаютъ планъ, осматри-

вають неизвѣстно кому принадлежащее зданіе и приказываютъ багажъ свой внести въ жилое помѣщеніе, а паровую пожарную машину въ сарай. Лишь только окончилась установка машины—осмотръ пожарныхъ лошадей; пріѣзжіе отправляются къ городскому головѣ, предъявляютъ свои виды и записку безъ подписи; въ ней значилось слѣдующее: „Машинистъ и техникъ, а также рабочіе при домѣ и сараѣ удовлетворены жалованьемъ по 1 января“, и только. Отцы города ѣдутъ съ техникомъ и машинистомъ осмотрѣть диковинку. Техникъ приглашаетъ ихъ завтра присутствовать при опытахъ; отцы города уѣзжаютъ обратно; никто не справляется о имени жертвователя, но городъ знаетъ, что пожарная машина—его собственность. Сибирскія матроны—женщины скромныя, величавыя и домовитыя; онѣ неустраиваютъ благотворительныхъ спектаклей, лотерей и базаровъ и чужды всему, что въ последнее время такъ мѣтко охарактеризовано словами „акробаты благотворительности“. Онѣ благотворятъ но также тихо и скромно. Разъ помню въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ по улицамъ города слѣдовали фуры съ надписями „для цинготныхъ“; опять также никому и дѣла нѣтъ справляться, кому онѣ принадлежатъ; возница по

первому же знаку останавливаетъ повозку, принимаетъ больного и ѣдетъ за городъ, гдѣ помогаетъ больному вылѣзть изъ фуры, и выпрягаетъ лошадей. Больной ползкомъ отыскиваетъ „колбу“ (полевой лукъ), ѣстъ его и дѣлаетъ запасъ дня на 2—3. Къ пяти часамъ фуры снаряжаются, и больные тѣмъ же порядкомъ возвращаются въ городъ. А между тѣмъ есть люди, старающіеся доказать, что русскій народъ не можетъ жить безъ отеческой опеки властей.

Въ Барнаулѣ я прожилъ лишь три дня. Величественныя плавильни, горны и т. д. не были доступны моимъ познаніямъ по этой части, и я двинулся въ Семиполатинскъ, стоявшій на рубежѣ Сибири и Туркестанскаго края. Предстояло еще прослѣдовать г.г. Сергіополь и Копаль—и я уцѣли своего путешествія, въ г. Вѣрномъ, образованномъ изъ двухъ станицъ—больше и мало Алматинской. Недалеко отъ Копала есть знаменитый Гасфордскій переваль—дорога прорубленна въ скалѣ—и выселокъ Арасанъ съ его минеральными источниками. Начало основанія Копала и Вѣрнаго относится къ 1846 и 1853 г. прошлаго столѣтія, когда два полка Сибирскаго казачьяго войска со всѣмъ ихъ скарбомъ были двинуты

на заселеніе бывшаго Алатавскаго Округа. Полкъ, слѣдовавшій въ Алаты (яблоки), прибылъ на мѣсто 17 Сентября въ день св. Вѣры, Софіи, Надежды и Любви. Этими именами были окрещены заложенные въ тотъ день станицы 2 Января 1868 года я увидѣлъ четыре отдѣльно стоящіе населенные пункта—это были двѣ бывшія станицы, Татарская-Слободка и винокуренный заводъ Василя Петровича Кузнецова.—Всѣ эти довольно значительныя поселенія вошли въ составъ Г. Вѣрнаго. 3-го Января я явился къ Командиру 11-го Туркестанскаго линейнаго баталіона (бывшаго 3-го Западно-Сибирскаго) Полковнику Оскару Густавовичу Каргеру, отъ котораго узналъ, что полученъ запросъ Главнаго Штаба о моемъ поведеніи и заслуживаю ли я того, чтобы моя участь была повергнута на ВЫСОЧАЙШЕЕ усмотрѣніе. Переписка обо мнѣ тянулась цѣлый годъ, и только 23 января 1869 г. состоялся по баталіону приказъ объ увольненіи меня по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію въ отставку, съ назначеніемъ на жительство въ Самарскую губернію. Какъ ни радостно я встрѣтилъ это извѣстіе, но какъ то жутко стало—опять разжаловали: изъ почетнаго званія защитника отечества я сталъ поднадзорнымъ

ссылнымъ, которому разрѣшалось жить только въ предѣлахъ одной Самарской губерніи.— Желая обдумать свое новое положеніе, я остался на нѣкоторое время въ г. Вѣрномъ, гдѣ жизнь привольная деревенско-городская, климатъ чудный и дешевизна жизни—чисто баснословная. При мнѣ состоялось окончательное устройство Семирѣчинскаго Казачьяго войска, сформированнаго изъ 2 Сибирскихъ полковъ, передвинутыхъ въ Семирѣчіе изъ Сибири, и депутація съ Наказнымъ Атаманомъ Генераль-маіоромъ Калпаковскимъ во главѣ выѣхала въ С.-Петербургъ для представленія своему Августѣйшему Атаману Наслѣднику Цесаревичу. Въ составѣ этой депутаціи были и киргизскіе родоначальники, но всего интереснѣе были два представителя войска—урядники-станичные Атаманы Кочубинъ 90 л. старикъ и Ковалевъ, украшенный 4 Георгіями. Везлись подарки, состоящіе изъ богатой Киргизской юрты и кабинетной мебели изъ моральныхъ роговъ; эту оригинальную мебель везъ лично отъ себя Генераль Калпаковскій. Депутація была милостиво принята при дворѣ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ долго любовался своими казаками и удостоилъ ихъ милостивыми словами, при чемъ ВЫСОЧАЙШЕ повелѣно

Кочубину пользоваться въ отставкѣ чиномъ хорунжаго; этотъ же чинъ пожалованъ Ковалеву съ оставленіемъ въ рядахъ ярміи. Кочубинъ съ восторгомъ рассказывалъ о пребываніи своемъ въ столицѣ, о джигитовкѣ киргизъ, которою управлялъ и самъ въ ней участвовалъ Кочубинъ. Депутація была буквально засыпана деньгами и цѣнными подарками. Къ помѣщенію, занимаемому депутаціею, ежедневно подѣзжали придворныя кареты и увозили депутатовъ къ Министрамъ и высокопоставленнымъ лицамъ. Однажды депутаты заѣхали въ фотографію, гдѣ, по словамъ Кочубина, всѣ говорили на какомъ то странномъ, для нихъ непонятномъ, языкѣ—должно быть французскомъ. Неимѣя возможности участвовать въ общемъ разговорѣ, Кочубинъ началъ обмѣниваться съ Ковалевымъ на киргизскомъ языкѣ; когда кто то изъ публики спросилъ Кочубина, на какомъ нарѣчій онъ разговариваетъ, и получилъ отвѣтъ „на Казачьемъ“, неудержимый хохоть раздался въ залѣ, и казаки сдѣлались героями дня. Кочубинъ все это рассказывалъ съ неподдѣльнымъ юморомъ о своихъ депутатскихъ приключеніяхъ.

Разставаясь съ военнымъ мундиромъ, съ казармами и солдатомъ, я пришелъ къ тому

заключенію, что и Туркестанскіе, и Сибирскіе солдаты, и набранцы до 1863 года и послѣ введенія общей воинской повинности—родные братья не только по духу, но и по традиціямъ, а казарма—это школа, въ которой ровно магическою силою нивелируются расы, религіи, званія и т. д. Въ послѣдствіи, читая рассказъ Чехова „Скучная исторія“, я вспомнилъ про солдата. Въдѣ почтенный профессоръ и неменьше почтенный его камердинеръ, вспоминая о театрѣ и студентѣ, оба приходятъ къ одному и тому же выводу, что театръ несталъ лучше чѣмъ онъ былъ 30—40 лѣтъ назадъ, а со сцены вѣдетъ такую же самую рутину, которая была почтенному ученому скучна еще 40 лѣтъ назадъ, а нынѣшніе студенты не лучше и не хуже прежнихъ, и въ заключеніе господинъ Камердинеръ, какъ заправскій студіозусъ, превосходно распѣваетъ „Гаудеамусъ игитуръ“. Каждая воинская часть имѣетъ своихъ героевъ, и рассказы объ нихъ переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ Чекалинъ таинственно рассказывалъ мнѣ о циркулярѣ Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства, какъ писать въ официальныхъ бумагахъ слово „команда“, а весь баталіонъ потѣшался рассказами о Маіорѣ Портня-

гинѣ, постоянно употреблявшимъ слово „бол-
бесина“ и за всѣ проступки налагавшимъ одно
наказаніе: положить Николаю Угоднику зем-
ныхъ поклоновъ, смотря по степени виновно-
сти, отъ 50 до 150. О Командирѣ Печенки-
нѣ, очень любившемъ процессъ сѣченія сол-
датъ, существовалъ такой рассказъ: во время
командованія имъ Марійнскою мѣстною коман-
дою солдатъ бѣжалъ и, разумѣется, снесъ ка-
зенныя вещи, которыхъ онъ не получалъ.
Солдата поймали; на судѣ онъ заявилъ пре-
тензію на Печенкина въ неполученіи тѣхъ са-
мыхъ вещей, въ кражѣ которыхъ его обвиня-
ли. Судъ приговорилъ солдата къ 200 розгамъ,
съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. По
какому то странному стеченію обстоятельствъ
приговоръ этотъ пришлось привести въ испол-
неніе самому Печенкину, такъ какъ его рота
уходила въ карауль, а дежурному по карау-
ламъ прислали изъ баталіонной канцеляріи нѣ-
сколько конфирмацій. Осужденные смиренно
стояли въ манежѣ, рота выстроилась въ ожи-
даніи Командира. Но вотъ входитъ Печен-
кинъ; раздается команда „смирно“; фельдфе-
бель подаетъ Печенкину папку съ конфирма-
ціями. Печенкинъ спрашиваетъ, все ли гото-
во, и начинаетъ вызывать осужденныхъ. При

одномъ имени у него моментально перекошилось лицо: „а голубчикъ, мы кажется знакомы“. Послѣ прочтенія конфирмацій началась экзекуція. Печенкинъ лично осмотрѣлъ пучки розогъ и скомандовалъ „начинай“. Рота, державшая ружья на караулъ, по командѣ опустила ихъ къ ногѣ. Водворилось гробовое молчаніе.

Солдатъ, перекрестившись, легъ—барабанщики взяли за свою работу. Печенкинъ самъ считалъ удары, произнося лишь: рѣже, крѣпче. Когда выпали несчастному 190 розогъ, Печенкинъ сказалъ: „стой ребята, отдохни“, а по прошествіи 10 минутъ началось продолженіе экзекуціи, и каждый ударъ вызывалъ нечеловѣческіе крики наказуемаго. Приговоръ привели въ исполненіе, и наказаннаго въ сопровожденіи фельдшера унесли на носилкахъ. Потребовалось 3-хъ мѣсячное леченіе; больной, прійдя въ себя, объяснилъ, что это его проучилъ бывшій начальникъ команды за побѣгъ и ложную на него претензію. Въ ряду рассказовъ о бывшихъ отцахъ командирахъ, непоследнее мѣсто занимаетъ рассказъ о Полковникѣ Городниченко. Этотъ хохоль свято вѣровалъ въ цѣлительное свойство набрюшника и при посѣщеніи околodka обязательно

спрашивалъ каждого больного, носить ли онъ набрюшникъ. Разъ какъ то больной глазами признался, что не носилъ набрюшника. Городниченко приказалъ по выздоровленіи посадить его на недѣлю въ карцеръ. Однажды на ученіи разсыпанная цѣпь стрѣлковъ внезапно остановилась. Городниченко поспѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло, и, увидавъ бездыханный трупъ солдата, приказалъ немедленно растегнуть мундиръ и брюки и, убѣдившись, что покойникъ строго исполнялъ его приказъ, въ ужасѣ воскликнулъ: „Господи Боже мой! и въ набрюшникъ и умеръ!“ И въ Вѣрномъ, какъ и въ Томскѣ, были знаменитые въ своемъ родѣ фельдфебеля; въ нашей ротѣ былъ Федотъ Степановичъ Норкинъ; онъ собирался въ Ташкентъ для держанія экзамена на кандидата съ тѣмъ, что какъ только удостоится этого званія, сейчасъ же выйдетъ въ отставку, съ пожизненною пенсіею. А что подѣлываютъ въ Томскѣ Чекалинъ и Малютинъ. Они вѣроятно не шагнули такъ далеко и остались доживать свой вѣкъ на солдатскомъ положеніи.

Предсказанія Томчанъ о введеніи классицизма оправдались. Газеты раздѣлились на два враждебные лагеря: Катковъ, ярый Апостолъ „гимнастики ума“, и Краевскій, убѣжденный

противникъ классицизма, руководили общественнымъ мнѣніемъ. Все русское общество было на сторонѣ Краевского, только чиновники и люди безъ опредѣленныхъ взглядовъ на жизнь захлебывались при чтеніи Московскихъ Вѣдомостей и въ особенности Русскаго Вѣстника. „Голосъ“ почти въ каждомъ № приводилъ тексты адресовъ, поданныхъ Графу Толстому, и въ заключеніе воспроизвелъ исторію постановки на сценѣ Московскаго-Императорскаго театра пьесы „Ошибки молодости“ въ присутствіи Графа. Изъ перваго же дѣйствія видно было, что артисты, пренебрегая рутинною, позволили себѣ сдѣлать вставки; такъ въ первомъ дѣйствіи въ сценѣ изгнанія изъ купеческаго дома студента репетитора, купчиха, обращаясь къ студенту, произноситъ: „Ахъ, негодяй! Но вотъ, слава Богу, вводятъ, какъ тамъ его (сынъ юнкеръ подсказываетъ) классицизмъ, и вашего брата (сынъ юнкеръ подсказываетъ) вольнодумца будутъ сѣчь“. Первое дѣйствіе кончилось, но вслѣдъ затѣмъ поднялся занавѣсъ, и артистъ въ фантастическомъ костюмѣ поетъ:

Теперь все наше вниманіе
На одно обращено,

Что бы наше воспитаніе
Ведено было умно.
И теперь есть надежда,
Что чрезъ нѣсколько годовъ
Выйдутъ круглые невежды
Изъ классическихъ головъ.

Я зорко слѣдилъ за происходившею тогда борьбою двухъ великановъ - Каткова и Краевского. Въ то время какъ въ главной квартирѣ Каткова всѣмъ руководилъ все-сильный триумвиратъ, состоявшій изъ Леонтьева, Каткова и тогдашнихъ Министровъ Народнаго просвѣщенія и Внутреннихъ дѣлъ, въ главной квартирѣ Краевского всѣмъ руководилъ скромный дуумвиратъ, состоявшій изъ бессмертнаго сатирика Курочкина и Московскаго фабриканта шипучихъ водъ—Ланина. Этотъ хитрый фабрикантъ никому невѣдомыми путями умудрился добывать всѣ официальные, неофициальные и даже секретные документы. Документы, издаваемые подъ диктовку Главно Командующаго Каткова, печатались въ „Курьеръ“, а Курочкинъ на страницахъ „Искры“ дѣлалъ рецензію этихъ словоизверженій. Одна дама изъ Главной квартиры Краевского искала случая встрѣтиться съ все-сильнымъ Катковымъ, и случай этотъ представился

на балу. Дама, пренебрегая приличіями, появилась на балу съ № „Голоса“ вмѣсто вѣра. — Любопытные поминутно спрашивали пикантную даму „что это значить“? А вотъ что: я свой вѣрь дорогой потеряла, а за пятакъ купила № „Голоса“, и какая прелесть — лучше всякаго вѣра“. Но вотъ входитъ всеильный Катковъ. Дама храбро проходитъ къ нему и послѣ обмѣна любезностями предлагаетъ ему вопросъ, за что онъ такъ ненавидитъ Краевского, а затѣмъ проситъ его прочесть одну для нея непонятную статейку въ „Голосѣ“. Катковъ улыбнулся и отвѣтилъ: „простите, Сударыня, при всемъ моемъ желаніи не могу исполнить Вашей просьбы“. Почему? — Да взгляните — (указывая на № „Голоса“) тамъ и развернутыя фрунтомъ даже буквы смотрятъ бунтомъ. Катковъ поклонился и пошелъ навстрѣчу ожидавшихъ его болѣе интересныхъ собесѣдниковъ. Каналья Ланинъ стенографировалъ дословно сей разговоръ и былъ крайне удивленъ, что Курочкинъ не сдѣлалъ рецензіи, и на вопросъ-почему? получилъ лаконическій отвѣтъ: „излишне. Катковъ въ данномъ случаѣ отвѣтилъ за меня“. А вотъ перлъ премудрости классической системы, списанный изъ № 190 „Русскаго Курьера“ за 1887 годъ.

Новыя правила для приѣма дѣтей въ гимназіи.

Г. попечитель одесскаго учебнаго округа обратился, какъ передаетъ „Одесскій Листокъ“, къ гг. директорамъ гимназій, директорамъ и инспекторамъ прогимназій съ слѣдующимъ циркуляромъ: Г. министръ народнаго просвѣщенія, озабочиваясь улучшеніемъ состава учениковъ гимназій и прогимназій, нашелъ необходимымъ допускать въ эти заведенія только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ представленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства.

Приглашая Васъ, М. Г., къ точному исполненію вышеизложеннаго предначертанія г. министра, я, на основаніи предложенія его высокопревосходительства отъ 18-го іюня 1887 г., за № 9.255, считаю нужнымъ прежде всего обратить ваше вниманіе на первостепенную важность принимаемой мѣры по отношенію къ правильной постановкѣ ввѣреннаго вамъ заведенія, къ судьбамъ учащагося юношества и интересамъ общества.

Въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, какъ учебныхъ заведеній, открывающихъ доступъ въ университеты и къ высшимъ поприщамъ

государственнаго и общественнаго служенія— сказано далѣе въ означенномъ предложеніи г. министра, — должны обучаться лишь такія лица, которыя, при надлежащей успѣшности своего ученія, отличаются благонаправіемъ и могутъ стать вполне благовоспитанными молодыми людьми и за благонадежность которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ начальники гимназій и прогимназій могутъ и впослѣдствіи принять на себя отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ и, что еще важнѣе, предъ своею совѣстью. Прошу васъ, м. г., усвоить изъясненную точку зрѣнія на существо вашихъ обязанностей и принять къ соображенію, какъ мало соотвѣтствуетъ ей установившаяся практика, въ силу которой гимназіи и прогимназіи открыты для всѣхъ желающихъ при условіи удовлетворенія извѣстнымъ несложнымъ формальнымъ требованіямъ. Начальства гимназій и прогимназій доселѣ не входили въ разсмотрѣніе того, насколько поступающее для обученія лицо въ состояніи будетъ по имущественному положенію, по условіямъ домашней обстановки, по складу и направленію своихъ личныхъ качествъ воспользоваться благодѣяніями гимназическаго образованія. А такъ какъ подобные вопросы не ста-

вятся и родителями, то гимназій и прогимназій переполнены дѣтьми, ясно неспособными ни матеріально, ни нравственно вынести продолжительный нелегкій путь классическаго образованія. Неизбѣжными послѣдствіями такого порядка вещей является пониженіе успѣшности, обуславливаемое присутствіемъ многихъ учащихся, встрѣчающихъ въ условіяхъ своей домашней обстановки не поддержку, а всякія препятствія къ правильному теченію обученія. Упадокъ дисциплины, отъ недостаточности или совершеннаго отсутствія надзора въ семьѣ и отъ погубнаго вліянія такихъ дѣтей на своихъ товарищей въ заведеніи; масса учениковъ, выходящихъ изъ прогимназій и особенно гимназій до окончанія курса, съ тяжелымъ сознаніемъ потери времени и невознаградивости этого ущерба; разочарованіе родителей, которые, не взвѣсивъ всѣхъ условій воспитанія въ гимназіяхъ, направляли сюда дѣтей, какъ въ заведенія, открывающія болѣе широкіе пути, пренебрегая учебными заведеніями болѣе скромной, но и болѣе посильной для массы постановки. Вы усмотрите м. г., что въ данномъ явленіи, кромѣ педагогической несообразности, замѣчается и важное соціальное зло и что учебное заведеніе, безучастно относящееся къ

столь существенному вопросу воспитанія ввѣренныхъ ему дѣтей, какъ цѣлесообразность выбора учебнаго заведенія, и не принимающее съ своей стороны никакихъ мѣръ къ разрушенію иллюзій, тяжело отражающихся на судьбахъ дѣтей — не стоитъ на высотѣ своего долга.

Имѣя въ виду все объясненное и согласно порученію г. министра, изложенному въ означенномъ выше предложеніи 18-го іюня, за №9,255, имѣю честь возложить на васъ м. г., нижеслѣдующія обязанности:

а) при поступленіи къ вамъ прошеній отъ родителей или родственниковъ о приѣмѣ дѣтей, вы имѣете приглашать просителей сообщать свѣдѣнія о семейномъ и имущественномъ ихъ положеніи по прилагаемой при семъ примѣрной формѣ. Совокупность сихъ свѣдѣній, надлежащимъ образомъ проверенныхъ, дастъ вамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможность съ надлежащею ясностью опредѣлить: являются-ли условія матеріальнаго и семейнаго быта ребенка, о принятіи котораго во ввѣренное вамъ учебное заведеніе просятъ, благопріятствующими успешному прохожденію курса и приобрѣтенію добрыхъ нравственныхъ навыковъ. И лишь въ томъ случаѣ, когда вы

не встрѣтите съ этой стороны основательныхъ сомнѣній, вы дадите прошенію о принятіи ученика надлежащее движеніе.

б) Встрѣтивъ-же въ означенномъ отношеніи справедливыя сомнѣнія, вы должны рѣшительно отклонять прошенія; вы имѣете объяснять родителямъ, что поприще высшаго государственнаго и общественнаго служенія, къ коему гимназія составляетъ первую стадію пути, не можетъ быть удѣломъ всѣхъ и cadaго, что теченіе классическаго образованія медленно и затруднительно, что ученикъ гимназіи, лишенный постояннаго обращенія въ просвѣщенной средѣ и поставленный въ необходимость всякія недоразумѣнія преодолевать своими личными усиліями, имѣетъ весьма малые шансы успѣшно конкурировать съ товарищами, поставленными въ этомъ отношеніи благоприятно, что классическое образованіе, не доведенное до конца и не увѣнчанное не менѣе сложнымъ и труднымъ университетскимъ курсомъ, не представляетъ достаточной подготовки къ практической дѣятельности. Не ограничиваясь этимъ, вы имѣете указывать родителямъ тѣ заведенія, которыя по продолжительности курса и другимъ условіямъ болѣе соотвѣтствовали-бы потребностямъ ихъ дѣтей,

предлагая къ разсмотрѣнію родителей уставы и учебные планы сихъ заведеній и облегчая имъ всѣми способами ознакомленіе съ ними.

в) Если-бы между принятыми уже учениками впослѣдствіи оказались такіе, которые вслѣдствіе домашней обстановки своихъ родителей или родственниковъ оказываютъ вредное вліяніе на товарищей, то такихъ слѣдуетъ увольнять изъ гимназій или прогимназій не стѣсняясь двухлѣтнымъ срокомъ, указаннымъ въ § 34 устава гимназій и прогимназій, или формальными правилами о взысканіяхъ. Содержаніе настоящаго правила должно быть объявляемо родителямъ при самомъ вступленіи ученика въ заведеніе, со взятіемъ подписки въ заслушаніи ими этого предупрежденія.

Въ пунктѣ г) говорится, что если въ учебномъ заведеніи, вслѣдствіе примѣненія новыхъ правилъ, окажется малый контингентъ учащихся, то начальники заведеній должны представлять о закрытіи параллельныхъ классовъ или преобразованіи заведеній согласно потребностямъ мѣстной жизни.

д) На вашей отвѣтственности лежитъ, чтобы дѣйствіе настоящаго распоряженія въ примѣненіи къ ввѣренному вамъ учебному заведенію не было ослабляемо и путемъ благо-

творительности общественной или частной. Необходимо имѣть въ виду, что благотворительность, заключающаяся въ представленіи благотворимому средствъ къ переходу изъ одного состоянія общества въ другое, представляющееся болѣе выгоднымъ или почетнымъ, имѣть слишкомъ субъективныя основанія для того, чтобы она свободна была отъ значительнаго риска. Благотворительность въ учебномъ заведеніи должна имѣть цѣлью устраненіе затрудненій въ полученіи образованія тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ по положенію ихъ родителей или по выдающимся личнымъ дарованіямъ свойственно достигать извѣстныхъ степеней образованія. Такъ умѣстно воспитаніе въ гимназій на благотворительные источники дѣтей родителей, которые сами получили высшее образованіе, но вслѣдствіе неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ лишены возможности дать такое образованіе дѣтямъ, потому что для такихъ дѣтей профессія, къ коей ведетъ иной путь, можетъ быть, не соответствовала-бы ихъ физическому развитію. Но, примѣръ, *оторвать отъ хорошей крестьянской или мѣщанской семьи мальчика*, для того, чтобы воспитаніемъ въ гимназій дать ему сомнительную возможность карьеры на госу-

дарственной службѣ, было-бы не всегда разумною услугой. Если при ввѣренномъ вамъ заведеніи имѣется Общество пособія учащимся, вы приложите попеченіе, чтобы это Общество дѣйствовало въ направленіи, соотвѣтственномъ видамъ учебнаго управленія. Въ противномъ случаѣ вы имѣете принять указываемыя обстоятельствами мѣры.

Пунктъ е) говоритъ объ увеличеніи платы до 40 р. въ годъ для покрытія расходовъ, вызываемыхъ новыми мѣрами по надзору.

Въ заключеніе настоящаго предложенія считаю нужнымъ объяснить, что, какъ вы усмотрѣли изъ всего изложеннаго, цѣль настоящаго распоряженія заключается въ устраненіи изъ среды ввѣреннаго вамъ учащагося юношества элементовъ, умственно принижающихъ и нравственно растлѣвающихъ эту среду. Въ настоящемъ случаѣ не имѣлось въ виду исчисленія всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя въ вашихъ рукахъ, какъ начальника заведенія, могли-бы успѣшно вести къ установленной цѣли. Средства эти не исчерпаемы и отъ вашей предусмотрительности зависитъ пользоваться ими въ предѣлахъ предоставленной вамъ власти. Само собою разумѣется, что учебное начальство вправѣ ожидать отъ васъ

такой послѣдовательности дѣйствій, такого спокойнаго, добросовѣтнаго и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу, какія приличны серьезности положенія, святости лежащаго на васъ долга и важности интересовъ, ввѣренныхъ вашему попеченію.

При циркулярѣ приложена таблица, по которой просящій о принятіи его сына въ гимназію, долженъ представить слѣдующія свѣдѣнія;

I. Сословіе и степень образованія.

II. Родъ занятій.

III. Лѣта отъ роду.

IV. Получаемое на службѣ содержаніе или годовой доходъ отъ заработка, имущества или капитала.

V. Квартира, адресъ, число занимаемыхъ комнатъ, количество прислуги.

VI. Перечисленіе членовъ семейства въ немъ проживающихъ, поименно, съ указаніемъ лѣтъ каждого изъ нихъ, рода занятій и средствъ тѣхъ членовъ семьи, которые вышли изъ школьнаго возраста и учебнаго заведенія для учащихся дѣтей.

VII. Свѣдѣнія, требуемыя графой IV о лицахъ къ семейству не принадлежащихъ но проживающихъ вмѣстѣ съ семействомъ.

VIII. Къ какому занятію предполагается приготовить представляемаго воспитанника.

IX. Въ состояніи-ли проситель вносить плату за обученіе и снабжать воспитанника въ исправности учебными пособіями и принадлежностями и форменнымъ платьемъ.

X. Какъ и подъ чьимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ было ведено воспитаніе и обученіе ребенка доселѣ; какъ и подъ чьимъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью предполагается вести его въ случаѣ принятія въ заведеніе; могутъ-ли быть представлены воспитаннику всѣ способы, необходимые для успѣшнаго ученія и точнаго исполненія сихъ ученическихъ правилъ, и въ чемъ именно будутъ состоять эти способы.

Если воспитанника предположено помѣстить на время обученія внѣ родительскаго дома и не на общей ученической квартирѣ, то представляющее его лицо должно сообщить свѣдѣнія, требуемыя графами I, II, III, IV, V, VI и XII относительно предположеннаго квартиро-содержателя ученика.

Читая эту прелесть, невольно воспоминается безсмертный Курочкинъ, помѣстившій въ Искрѣ слѣдующіе стихи:

Кто вѣрить въ выводы науки,
Кто до мозга костей не обскурантъ,
Кому хоть разъ случайно въ руки
Попались Гегель, Шеллингъ, Кантъ,
Кто вѣрить хоть на половину
Богоотступному Дарвину,
Кто понаслышкѣ хоть пойметъ,
Что пишетъ дерзкій Молешотъ,
Кто съ Фогтомъ знается хотя бъ отчасти
Всѣмъ тѣмъ въ силу данной власти
Анаема, Анаема, Анаема.

Въ заключеніе считаю долгомъ посвятить нѣсколько словъ блаженной памяти Василию Петровичу Кузнецову, но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ, кто же этотъ Кузнецовъ? По профессіи владѣлецъ единственнаго въ г. Вѣрномъ винокуреннаго завода, а также почтосодержатель громаднѣйшаго почтоваго тракта на разстояніи въ 1000 верстъ отъ Семипалатинска до Вѣрнаго, чудакъ и своеобразный благотворитель.

Во всей Семирѣчинской области не было человѣка, который бы не зналъ Василія Петровича и хотя бы одного анекдота изъ жизни этого чудака холостяка.—Приведу одинъ изъ курсировавшихъ тогда рассказовъ. Василій Петровичъ имѣлъ обыкновеніе принимать по-

сетителей и просителей во всякое время, когда онъ находился въ своей почтовой конторѣ. Письменныхъ прошеній онъ небралъ и въ руки, а всякую просьбу выслушивалъ внимательно. Является отставной капитанъ и просить дать ему какое либо назначеніе. Василий Петровичъ предлагаетъ мѣсто въ своей почтовой конторѣ. „Зрѣніемъ слабъ“, отвѣтилъ капитанъ.—Ну смотрителемъ на станцію.—„Старъ я, притомъ и ногами слабъ“, отвѣтилъ капитанъ, а Василий Петровичъ въ креслѣ захрапѣлъ.

Такъ онъ обыкновенно отдѣлывался отъ просителей подобнаго рода, но капитанъ, замѣтивъ это, усѣлся на стулъ и зорко слѣдилъ за спавшимъ. Проходитъ часъ; Василий Петровичъ зѣвнулъ. Капитанъ моментально принялъ положеніе просителя. Василий Петровичъ замѣтилъ его. „Ну что, дорогой капитанъ, отправляйтесь на заводъ и тамъ увидимся“. Капитанъ, сдѣлавъ на лѣво кругомъ, отправился на заводъ. Василий Петровичъ страдалъ ожиреніемъ и по совѣту медиковъ ежедневно пѣшкомъ ходилъ на заводъ и обратно, что равнялось пространству около 10 верстъ; но такъ какъ такого пути Василий Петровичъ не могъ совершить безъ отдыха, то отъ города до за-

вода черезъ каждыя полверсты были поставлены скамейки для отдыха. Ну вотъ Василій Петровичъ у цѣли своего путешествія. Капитанъ отдаетъ ему честь по военному и, удостоившись рукопожатія, въ почтительномъ разстояніи слѣдуетъ за своимъ новымъ отцомъ—командиромъ. Василій Петровичъ не снѣша обонелъ заводъ, отдавая различныя приказанія, и наконецъ, зайдя въ заводскую контору, обратился къ капитану—„Ну вотъ что, я все придумывалъ, какую дать Вамъ работу, и вотъ на чемъ остановился. Вамъ будетъ выдана книга, въ которую Вы разъ въ сутки будете записывать,—какая была погода, въ какомъ направленіи дулъ вѣтеръ и только; за это Вамъ будетъ отведена одна комната съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а жалованія Вамъ назначаю 15 руб. въ мѣсяцъ. Соглашаетесь? въ такомъ случаѣ явитесь къ Управляющему заводомъ; онъ сдѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе“. Капитанъ въ неописуемомъ восторгѣ называетъ Василю Петровича отцемъ благодѣтелемъ и клянется своимъ чиномъ капитанскимъ, что онъ и несмѣлъ мечтать о такомъ счастіи. Проходитъ мѣсяцъ. Казначей, вручая капитану заслуженное имъ жалованье, спросилъ его, какъ это онъ умудряется жить на эти гроши, и

ради шутки посовѣтоваль попросить прибавки. Капитанъ долго обдумываль свой стратегическій планъ, и вотъ что случилось. Приходить на заводъ Василій Петровичъ. Капитанъ, съ книгою въ рукахъ, отдаетъ честь по военному и просить взглянуть, такъ ли ведётъ книгу. Василій Петровичъ позваль его въ контору, очень внимательно осмотрѣль книгу, прочиталь нѣсколько записей и похвалиль. Капитанъ ему низко поклонился, но въ почтительной позѣ стоитъ, какъ бы выжидая приказаній. Василій Петровичъ взглянулъ вопросительно. Тогда капитанъ, набравшись храбрости, сталъ приводить свой планъ въ исполненіе, жаловаться на дороговизну, а затѣмъ, боясь, что онъ опять захрапитъ, тутъ же обратился съ просьбою о прибавкѣ. Василій Петровичъ отвѣтилъ, что охотно назначаетъ ему 20 руб., но съ тѣмъ, чтобы капитанъ дѣлаль свои записи два раза въ день. Въ моментъ моего выѣзда изъ г. Вѣрнаго капитанъ получаль уже 25 руб., а дальнѣйшая его карьера мнѣ неизвѣстна.

Въ первыхъ числахъ января 1869 года я двинулся въ Ташкентъ искать счастья и новыхъ впечатленій.

Въ началѣ 1904 г. появилась книга сочиненія Амфитеатрова „Житейская накипь“; въ ста-

тъѢ „О неудачномъ поколѣніи“ стр. 51—57 изложено слѣдующее:

„Толстовская гимназія была не педагогическимъ учрежденіемъ. Она являлась системою заложничества, въ которой государство потребовало себѣ отъ русской семьи всѣхъ дѣтей ея въ обезпеченіе *политической благонадежности*.

Это заявлялось и печаталось совершенно откровенно. Громко проповѣдывалось правило, что молодое поколѣніе принадлежитъ школѣ, а не семьѣ. Школа—поручительство за него передъ государствомъ. „Семьѣ государство не вѣрить“.

Процессъ образованія, фабрика воспитанія были совершенно изолированы отъ надзора семьи. Отцамъ оставлено было школою ссориться съ дѣтьми за приносимыя дурныя отмѣтки. Если гимназія вызывала отца на совѣщаніе, это былъ ужасъ: значить школа собиралась отречься отъ ученика, значить онъ былъ на дорогѣ къ тому, чтобы получить волчій паспортъ и затѣмъ остаться безправнымъ, *вырости пастухомъ*.

Гимназія брала ребенка всего. Комедія— что она отпускала его послѣ уроковъ въ семью, домой. Онъ не видалъ семьи либо по-

тому, что зубрилъ, либо потому, что убѣгалъ и прятался отъ старшихъ, не присадили бы его зубрить...

О проклятое время! Десятый кругъ Дантова ада—горючее море слезъ, наплаканныхъ русскими дѣтьми и матерями!

Когда отцы—шестидесятники заглядывали въ науку дѣтей, они хватались за головы:

Что дѣлають? Чему учать! Къ какой жизни готовить? Поколѣніе слѣпыхъ котятъ! Ихъ судьба—утонуть въ первой же глубокой житейской лужѣ! Но хватаясь за головы, восклицая, проклиная, они непереставали посылать новыя и новыя тысячи мальчиковъ подъ неутомимый обухъ, и онъ падалъ и пришибалъ, падалъ и пришибалъ.

Шестидесятые годы—эпоха великихъ реформъ, проведенныхъ въ жизнь, впрочемъ, главнымъ образомъ, людьми сороковыхъ годовъ. Мощный переломъ шестидесятыхъ годовъ—эра, создавшая новое русское весословное общество. Они незабвенны по историческимъ результатамъ, и самыя отдаленныя русскія поколѣнія будутъ вспоминать ихъ съ благоговѣйною признательностью. Но, работая на вѣка—для ближайшаго то, непосредственного потомства шумный и блестящій періодъ

шестидесятихъ годовъ заключился мрачно: классическая гимназія, какъ единственный путь къ образовательному цензу. И диво-ли, что, глядя сквозь призму этой прелести, пришибленная восьмидесятная молодежь относилась къ репутаціямъ и дѣятельности отцовъ своихъ—кто равнодушно, кто скептически, кто съ насмѣшкою, кто даже съ тупою враждою? Юноши на своей шкурѣ примѣрили страшную разницу между идеями и дѣйствительностью, между громкою проповѣдью и практическимъ безсиліемъ, за которое расплатиться приходилось имъ. Они, отученные школою видѣть въ старшемъ друга, не вѣрили отцамъ, не понимали ихъ, сторонились. Когда же спохватившіеся отцы пробовали поправить дѣло, возстановить мосты между двумя поколѣніями, разрушенные школьною кабалою—рѣдко оно удавалось: было поздно. Дурень ли, хорошъ ли человѣкъ въ восемнадцать двадцать лѣтъ, а уже настолько у него голова сложилась, что сразу его не переработаетъ и на другія рельсы не переведешь. Большой и крѣпкій авторитетъ нуженъ, чтобы молодой умъ, отравленный недовольствомъ и скептицизмомъ, вернулся на путь идей, въ которыхъ онъ усомнился.

У отцовъ шестидесятниковъ такого авторитета не нашлось. Помню фразу одного „отца“: — Не горько ли, что мы работали всю жизнь для свободы личности, а вырастили поколѣніе самодовольныхъ рабовъ?

Но безпощаденъ былъ отвѣтъ: — А зачѣмъ же вы не учили насъ понимать и уважать свободу личности?

У меня былъ товарищъ, сынъ знаменитаго дѣятеля шестидесятника. Онъ, буквально, бѣгствомъ спасался отъ журъ — фиксовъ отца своего, собиравшихъ цвѣтъ московской интеллигенціи.

— Неужели тебѣ неинтересно? — упрекала огорченная мать. — Какіе люди! Какія мысли! А ты только шляешься по театрамъ, да ухаживаешь за дѣвченками.....

Юноша долго отмалчивался, а потомъ однажды и говоритъ:

— Мама! Будетъ тебѣ интересно, если я стану читать вслухъ Овидія по латыни?

— Я по латыни не понимаю.

— Ну а я не понимаю языка, на которомъ они разговариваютъ. Пойми же мама: мнѣ стыдно и страшно въ ихъ обществѣ. Я все время въ тревогѣ: со мною заговорятъ, а я не буду знать, что отвѣтить, — меня примутъ

за дурака.... Вѣдь я же необразованный человекъ, мама!

Тайное сознаніе: *Я не образованный* — угнетало всѣхъ совѣстливыхъ молодыхъ людей въ восьмидесятихъ годахъ. Наши первыя университетскія впечатленія были ужасны: профессора обращались къ намъ, какъ къ взрослымъ, а мы были маленькіе и ничего не понимали, ибо гимназія не научила насъ думать сама и не позволяла, да и не оставляла времени учить насъ отцамъ.

— Какой слабый курсъ! — ахали профессора

— Это не слабый курсъ, поколѣніе глупое, возмущались другіе.

— Въ кого Вы? въ кого? — всплескивали руками отцы.

Смирныя дѣти безмолствовали, строптивыя огрызались:

— Если восемь лѣтъ дѣлать человека дуракомъ, умника и ждать нечего.....

— Какимъ тономъ ты это говоришь! можно подумать, что я твой врагъ.

Дитя молчить и созерцаетъ обои.

— Ничему-то вы не сочувствуете! Никого-то не любите!

— Да что же... любить? пыхтя отъ усилія и скуки выдавливаютъ изъ себя дитя.

— Ну я согласенъ, надрывается отецъ, — ну конечно! Нелѣпая школа... Безобразное воспитаніе..... даразвѣ я виновать? мы виноваты?..... васъ отняли у насъ, — пойми, пойми!

— Понимаю.....

— Понимаешь? Нѣтъ не понимаешь. Это трагедія! — а ты ухмыляешься! Кабы понималъ, плакалъ бы, а не ухмылялся..... что тебѣ тутъ смѣшно? надъ чѣмъ издѣваешься?

— Да я ничего..... Богъ съ вами! Вотъ только удивительно: отняли.....

— Да! да! да! съ семьями васъ разбили! Отцовъ безъ дѣтей оставили! Отняли! отняли!

— А Вы бы не отдавали..... Отецъ оскѣбается, заикнувшись безъ отвѣта. Оба смотрятъ другъ на друга не то что враждебно, но чуждо, чуждо..... обоимъ страшно тяжело.....

Увы! въ томъ то и горе, что люди шестидесятыхъ годовъ, много приобрѣта и завоевавъ, не умѣли *не отдавать* — и отдали все, что реакція семидесятыхъ годовъ отъ нихъ требовала, и, въ томъ счетѣ, — самое драгоценное — своихъ дѣтей, свое смѣнное поколѣніе.

Есть трагедія Гальма *Равеннскій боецъ* — о сынѣ Арминія и Туснельды. Онъ, выростая въ римской гладіаторской школѣ, совер-

шенно позабылъ о благородствѣ своей крови, о свободѣ германскихъ лѣсовъ, о вольномъ, честномъ народѣ. Туснельда съ ужасомъ и негодованіемъ слышитъ, что для сына величайшаго германскаго вождя-освободителя—верхъ честолюбія представляется въ томъ, чтобы красиво выступить на арену амфитеатра въ гладіаторской борьбѣ для потѣхи побѣдоноснаго римскаго народа. То, что для Туснельды позоръ, для Тумелика слава и честь. А когда она говоритъ о славѣ и чести, Тумеликъ зѣваетъ. Мать и сынъ, расторгнутые воспитаніемъ, чужды и ненужны другъ другу..... Вотъ шестидесятые и восьмидесятые годы! Люди 19 февраля и члены атлетическихъ обществъ! Дѣятели судебной реформы—и патріоты спасатели! Мировые посредники—и велосипедисты! Добролюбовцы, чернышевцы, писаревцы—и группа кувиркателей фирмы *Скорпидонъ*!

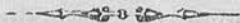
Чтобы избавить Тумелика отъ позора, котораго онъ не въ состояніи понять, чтобы не пустить сына Арминіева на посмѣшищѣ вражьей толпѣ, Туснельда умертвила свое неразумное дѣтище собственными руками. Кинжалы и кровь—это уже мракъ вѣковъ и, конечно, ни одинъ шестидесятый Авраамъ

IV 11081

незакололъ своего восьмидесятнаго Исаака. Но отрекались шестидесятники отъ восьмидесятниковъ многократно и съ энергіею. И подъ ударами литературнаго оружія отцовъ, поднятаго во имя шестидесятыхъ годовъ, погибло и погибаетъ до сихъ поръ, кувыркаясь въ Лету, немалое число безъ вины виноватыхъ Тумеликовъ. Исчезаютъ они, надо отдать имъ справедливость, почти безъ протестовъ и очень добродушно. Развѣ что попрекнуть, когда вонзается имъ въ грудь критическій кинжалъ:

А все таки,—эхъ мать! зачѣмъ ты отдавала меня въ гладіаторскую школу?!”

С. Р.

Г П

ЦѢНА 50 КОП.

PKT BC

2011136629